

НОЧЬ ПО РАСПИСАНИЮ

Диана Эверли

Ночь по расписанию. Том 1

«Автор»

2026

Эверли Д.

Ночь по расписанию. Том 1 / Д. Эверли — «Автор», 2026

В городе, где электричество подают по расписанию, девятнадцатилетняя ученица техника Инга Кедрина привыкла доверять показаниям счётчиков. Но после ночного отключения адрес соседнего дома исчезает из системы, жильцов увозят, а в бумагах появляется загадочная отметка «17». Та же отметка есть на старом уведомлении, которое оставила мать Инги перед исчезновением одиннадцать лет назад. Пока власти говорят о необходимой проверке, Инга и её соседи пытаются выяснить, кто принимает решения об их домах и почему одни районы остаются освещёнными, когда другие погружаются во тьму. В поисках ответов Инге помогает Лев, молодой техник управления. Ему предстоит усомниться в правилах, которым он привык следовать, а ей — решить, кому можно доверить доказательства, если исчезает даже то, что уже записано. Первый том истории о праве знать цену света — и о людях, которые отказываются исчезать из чужих списков.

© Эверли Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Пять минут до темноты	5
Глава 2 Адрес не установлен	10
Глава 3 Запись, которой не было	16
Глава 4 Семнадцать минут	26
Глава 5 Место для замечаний	30
Глава 6 Окно номер шесть	35
Глава 7 Человек, которого не считали	40
Глава 8 Копия для заявителя	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Диана Эверли

Ночь по расписанию. Том 1

Глава 1 Пять минут до темноты

В доме номер восемь свет должен был погаснуть в девять ноль пять. Инга успела сварить половину яйца и потерять брата за четыре минуты до отключения.

— Сколько ему? — спросил мальчик у двери.

— Яйцу или брату?

— Брату.

— Тринадцать. Яйцу почти четыре.

Мальчик подумал, правильно ли понимает шутку, и решил, что сейчас не время. Лет ему было не больше десяти. Он держал под мышкой фонарь, похожий на жестяную банку с приделанной ручкой, а другой рукой придерживал открытую входную дверь: за ней уже сгустился холодный вечер.

— Он возле распределителя. Там женщина не может закрыть шкаф.

Инга выключила плиту. До отключения оставалось ещё немного, но в доме работали два старых насоса, которые после каждого включения забирали лишний ток. Если они проснутся одновременно с плитой, автомат мог сработать раньше срока. А тогда жильцы восьмого этажа снова останутся без воды до рассвета.

— Скажи ей ничего не трогать. Я сейчас.

— Она уже трогает.

— Тогда скажи убедительнее.

На лестнице пахло капустой и сырой штукатуркой. Из дверей квартиры напротив вышла соседка, тётя Рая, с тазом белья. Она посмотрела на Ингин жилет с нашивкой городской службы и положила сверху на бельё свой фонарик.

— У меня лампочка опять мигает. Когда вернёшься, посмотришь?

— Если ещё будет мигать.

— Будет. Она упрямая.

Внизу хлопнула металлическая дверца. Инга побежала, цепляясь ладонью за холодные перила. На площадке между первым этажом и подвалом горела служебная лампа: последние пять минут всегда отдавали общим приборам. Жёлтый свет выхватил Женю. Брат стоял на ящике и держал в зубах отвёртку.

Перед ним на корточках сидела незнакомая женщина в тёмной куртке. Она разбирала маленький пластмассовый корпус у себя на коленях. Дверца распределительного шкафа действительно была открыта, но внутри никто ничего не трогал: на решётке висела картонка «НЕ ВКЛЮЧАТЬ».

— Женя.

Брат осторожно вынул отвёртку изо рта.

— Я не лезу.

— Я ещё ничего не сказала.

— Поэтому сразу предупредил.

Женщина подняла голову. У неё была короткая седая прядь над виском и усталое лицо человека, который целый день пытался не опоздать в несколько мест сразу.

— Простите, я его попросила помочь с замком, — сказала она. — Засов заело. Меня зовут Вера. Я с шестого.

— С шестого этажа?

— С шестого участка. По подъёмникам.

Инга заметила у неё на куртке старую нашивку: белый квадрат с чёрной стрелкой. В городе почти не осталось действующих лифтов; тех, кто ещё умел их чинить, можно было пересчитать по пальцам. Женщина вынула из кармана ключ, повернула его в замке и осторожно подняла створку шкафа. Та с тихим скрипом встала на место.

— Видите? — Женя спрыгнул с ящика. — Я только держал.

— В следующий раз скажи, куда идёшь.

— Я сказал бабушке.

— Бабушка не слышит, когда шумит чайник.

— А я выключил чайник.

Инга хотела продолжить спор, но Вера указала на лампу над их головами.

— У вас по графику отключение через минуту. Слышите трансформатор?

Он гудел ровно, без срывов. Инга привыкла различать такие вещи раньше, чем успевала о них подумать. Пока всё работало как положено: общий свет, насосы, небольшая линия для лестницы. Личная сеть квартир погаснет первой, общая продержится ещё десять минут. За это время люди должны успеть закрыть окна, набрать воду и подняться домой.

— Слышу, — ответила она.

— У соседнего дома в прошлый раз так же гудел, а потом у них не включилась аварийная линия. Просто проверьте, ладно?

Женя заглянул женщине через плечо.

— А что с соседним домом?

— Ничего, починили, — сказала Вера. — Они теперь готовятся к проверке.

— Какой?

— Обычной городской.

Женя посмотрел на Ингу: он тоже заметил, как поспешно она ответила. Женщина убрала пластмассовый корпус в сумку, проверила замок ещё раз и направилась к выходу.

— Если через десять минут лестница не погаснет, сообщите в службу, — добавила она. — Это важно.

— Почему не погаснет? — спросила Инга.

Но женщина уже вышла во двор. Мальчик с жестяным фонарём отступил, пропуская её, и осторожно закрыл дверь.

Лампа у распределителя мигнула. Где-то наверху одновременно щёлкнули выключатели: жильцы погасили всё, что могли, прежде чем сеть обесточит квартиры сама. Так приборы служили дольше. Так учили детей ещё до того, как они запоминали таблицу умножения.

Женя поднял голову и начал считать:

— Пять, четыре, три...

Свет в окнах за дверью погас раньше, чем он дошёл до единицы. Двор на секунду превратился в чёрное пятно, потом зажглись отдельные ручные фонари. В окне первого этажа кто-то выставил банку с маленькой светящейся полоской. Фонарь мальчика зажёгся со второй попытки.

— У тебя неправильно идут часы, — сказал он Жене.

— У них неправильно отключают.

— У города никогда не неправильно, — машинально ответил мальчик.

Инга не успела понять, шутит он или говорит всерьёз. Внутри шкафа что-то треснуло. Лампа над площадкой погасла и тут же загорелась снова. Женя схватил сестру за локоть.

— Это аварийная?

— Нет. Общая ещё должна работать.

Она подошла к двери шкафа. За ней гудение изменилось: стало чуть ниже, словно большая машина пыталась перейти на другую передачу. Инга приложила пальцы к металлу. Холодный. Значит, дело, скорее всего, не в перегреве.

— Идите наверх, — сказала она.

— Ты сама всегда говоришь, что одной нельзя проверять узел.

— Я говорю это тем, у кого нет допуска.

— Значит, я подожду здесь и буду человеком, у которого нет допуска.

Инга посмотрела на него. Женя поднял ладони, показывая, что ничего трогать не собирается. Мальчик с фонарём, напротив, попятился к лестнице.

— Мама велела сразу домой.

— Правильно велела, — сказала Инга. — И скажи тёте Рае, пусть придержит бабушку у квартиры. Я скоро.

Мальчик исчез наверху. Его фонарь прыгал по ступеням, пока не превратился в маленькое пятно, а потом пропал.

Инга вынула рабочий ключ и открыла шкаф. Два ряда индикаторов горели зелёным, как и должны были. Третий ряд оставался тёмным. Она знала эту схему наизусть: личное питание, общая линия, служебный резерв. В их доме резерв обычно не использовался. Он существовал на случай, если потребуется подать ток к подъезду скорой помощи или вывести людей из лифта. Лифт не работал уже девять лет.

— Смотри, — сказал Женя.

На сером экране счётчика загорелась тонкая полоска. Потом рядом появилась цифра семь.

— Семь чего?

— Не знаю.

Она нажала кнопку просмотра. Счётчик показал остаток общей линии: девять минут и сорок восемь секунд. Полоска не исчезла. Инга нажала ещё раз. На экране сменились показания квартир, потом нагрузка насоса, потом график следующего включения. Полоска с семёркой оставалась в углу.

— Это код ошибки? — спросил Женя.

— На ошибке был бы знак.

Инга достала бумажный журнал и записала время. При ночной смене мастер проверит показания в архиве; если это неисправность дисплея, её заменят. Если нет, он вызовет бригаду. У неё был ученический допуск, и на нём граница её полномочий заканчивалась.

Женя заглянул в журнал.

— Ты записала семь без полоски.

— Полоска не число.

— А вдруг она тоже важная?

Инга дорисовала её слева от цифры. Брат кивнул, удовлетворённый. Уже много лет он считал, что взрослые делают ошибки из-за привычки не замечать простые вещи. В этом убеждении ему помогали сами взрослые.

На шестой минуте в шкафу щёлкнуло. Инга проверила время, потом подняла глаза к лампе. Та продолжала гореть. За дверью дома зашумели голоса.

Во дворе собрались жильцы. Сначала Инга увидела только тёмные фигуры и дрожащие лучи фонарей. Потом привыкла к свету и заметила, что люди смотрят не на их дом.

В доме номер девять горели окна.

Все сразу. На первом этаже, на втором, на последнем — квадрат за квадратом. За стеклом четвёртого этажа проходила женщина с кастрюлей, отчётливо видная в обычном электрическом свете. Кто-то у них на кухне рассмеялся. На соседнем балконе хлопнула форточка.

— Их перенесли в другую очередь? — спросил Женя.

— Нет.

График составляли по кварталам: с восьмым домом девятый отключался всегда. Не потому, что чиновникам нравились одинаковые цифры, а потому, что оба дома питались от одного распределительного узла. Инга проверяла таблицу утром перед сменой. Оба отключения значились на девять ноль пять.

Из девятого подъезда вышел мужчина в домашних тапках. Он оглядел тёмный двор, потом собственные освещённые окна.

— У нас свет остался, — сказал он.

— Мы заметили, — ответила тётя Рая.

— Я уже сообщил диспетчеру. Сказали ждать.

— А что ещё сказали?

— Ничего.

Люди у восьмого дома замолчали. Всем было видно, как соседний подъезд живёт в полуженной им темноте: девятый дом не выключили, и в этом было что-то почти неприличное. В прошлом месяце женщина из второго корпуса получила штраф за подключённую не по графику плиту. Потом целую неделю объясняла, что кнопка залипла сама. Ей никто не поверил. А здесь освещался целый дом.

Инга подняла голову к их собственному окну. В нём шевельнулся огонёк бабушкиной переносной лампы. Она всегда ставила её за цветочным горшком, чтобы не светить соседям в лицо. Сейчас этот огонёк казался особенно маленьким.

— Позвони тоже, — сказала тётя Рая. — Ты ведь из службы.

Инга достала рабочий передатчик. Связь в темноте работала от отдельного аккумулятора. Она набрала диспетчерский код, дождалась короткого сигнала и назвала адрес.

— Девятый дом остаётся под напряжением, хотя время отключения наступило. В нашем шкафу на дисплее резервной линии цифра семь и вертикальная полоса.

Женщина на связи долго молчала. Потом спросила:

— Ваш номер сотрудника?

Инга назвала.

— Оставайтесь на месте. К вам направлен представитель управления.

— Представитель или дежурная бригада?

— Представитель управления, — повторила женщина и отключилась.

Инга опустила передатчик. Обычно на такую неисправность отправляли мастера с ящиком инструментов, а не представителя. Она посмотрела на Женю. Тот тоже это понял, но промолчал.

Над девятым домом загорелась красная сигнальная лампа. Она медленно повернулась, осветила мокрую крышу, скользнула по стене. Затем в окнах погас свет — не сразу, а по этажам, сверху вниз. На последнем этаже раздался короткий крик. Его почти тут же заглушил вой сирены.

— Такого не было, — тихо сказала тётя Рая.

Инга открыла журнал на чистой странице. Рука дрожала, и цифра девять получилась кривой. Она записала время, направление отключения и номер дома. Рядом, подумав, добавила: «Красный сигнал до прибытия бригады».

Из девятого подъезда снова вышел мужчина в тапках. Он держал телефон перед собой, будто тот мог подсветить дорогу, хотя экран был чёрным.

— У вас связь работает? — спросил он.

Инга протянула ему передатчик.

— Кому нужно позвонить?

— Жене. Она на работе. Сказать, чтобы не шла домой.

— Почему?

Мужчина посмотрел через плечо. Окна его дома теперь не отличались от окон восьмого. Только красная лампа продолжала медленно вращаться.

— Потому что там написано, что нашего дома больше нет.

Он повернул к ним чёрный экран. Инга не сразу поняла: телефон не выключился. На нём было сообщение от городской службы с его именем, номером лицевого счёта и новой строкой адреса.

«Место проживания: не установлено».

Глава 2 Адрес не установлен

В девять двадцать во двор въехал белый автомобиль без опознавательных огней. На дверце был нарисован чёрный круг, а внутри него — тонкая горизонтальная черта. Инга узнала знак управления баланса: его ставили на квитанциях и на больших плакатах у станций общественного транспорта. Под знаком обычно писали: «Ресурс принадлежит всем».

На машине надписи не было.

Из неё вышли двое. Женщина в тёмном пальто держала планшет; молодой человек нёс плоский металлический ящик. Инга заметила на его рукаве такую же нашивку, как у неё, только без жёлтой полоски ученика.

— Кто сообщал о показаниях? — спросила женщина.

— Я.

— Имя.

— Инга Кедрина. Ученик техника, третий участок.

Женщина нашла её в планшете.

— Запись в журнале сделали?

— Да.

— Отдайте.

Инга протянула журнал. Женщина раскрыла его на последней странице, сфотографировала запись и вернула.

— Девятый дом проходит внеплановую проверку. Жильцам следует оставаться в квартирах до дальнейшего уведомления. Связь будет восстановлена после сверки адресов.

— У них написано, что адрес не установлен, — сказал мужчина в тапках. — Что это значит?

— Временная запись.

— У меня там жена прописана. И сын.

— Сведения будут уточнены.

— Сколько ждать?

— До уведомления.

Мужчина хотел задать ещё вопрос, но из машины вышел третий человек. Он был в форме городской охраны и не торопился подходить. Просто остановился рядом с открытой дверцей. Этого хватило: разговоры во дворе стали тише.

Техник с ящиком шагнул к Инге.

— Покажешь шкаф?

Он говорил негромко, без приказного тона. При свете своего фонаря Инга увидела, что он почти её возраста — может, на год старше. Узкие пальцы, тёмные волосы, мокрые у висков, и свежая ссадина на подбородке. На нагрудной карточке значилось: Лев Серов.

— Покажу, — ответила Инга. — Но сначала скажите, почему погасли общая и квартирная линии по этажам. Они подключены не так.

Лев посмотрел на неё внимательнее.

— Я ещё не видел шкаф.

— Тогда посмотрите.

Женя потянул её за рукав.

— Инг. Там полоса исчезла.

Он стоял у открытой двери подъезда и светил внутрь. Инга вошла первой. Счётчик теперь показывал только нули и время следующего включения — шесть утра. Ни семёрки, ни полоски. Но в бумажном журнале они остались.

Лев присел перед шкафом, поставил ящик на пол и достал тонкий прибор с собственным экраном. Он подключил его к служебному разъёму, подождал и нахмурился.

— Общая линия у вас активна.

— У нас на ней лестница. Она и должна работать до девяти пятнадцати.

— Уже двадцать три.

Инга подняла голову. Лампа над ними горела. Они были так заняты девятым домом, что никто не заметил, как прошли положенные десять минут.

— Может, у нас тоже ошибка? — спросил Женья.

Лев не ответил. Он извлёк прибор, убрал в ящик и аккуратно закрыл шкаф.

— Здесь вы ничего не меняли?

— Нет.

— Кто-то ещё подходил?

Инга вспомнила Веру. Женщина предупредила её: если лестница не погаснет, сообщить в службу. Она как будто знала, что произойдёт. Но она чинила замок, а не схему. Инга не хотела произносить чужое имя перед представителем управления, пока не понимала, в чём её обвинят.

— Жильцы проходят по лестнице, — сказала она. — Шкаф был закрыт.

Лев посмотрел на картонку «НЕ ВКЛЮЧАТЬ», всё ещё лежавшую на полу, и перевёл взгляд на Ингу. Он заметил, что она ответила не на тот вопрос.

— Хорошо, — сказал он. — Мне нужен журнал.

Инга открыла его на записи и сама держала, пока он фотографировал страницу. Лев увеличил изображение, задержался на нарисованной полоске и семёрке.

— Ты это сама видела?

— Мы оба.

— До проверки никому больше не рассказывайте. Это может быть служебный код.

— А если не служебный?

— Тогда тем более лучше сначала разобраться.

Он сказал это настолько спокойно, что Женья перестал светить ему в лицо. Инга заметила на ящичке тонкую царапину, похожую на цифру один. Внутри, кроме прибора, лежали отвёртка, запасной аккумулятор и свёрнутый лист бумаги. На листе были напечатаны адреса. Девятый дом она увидела сразу: внизу страницы, предпоследней строкой.

Следом шёл их адрес.

— Почему восьмой в вашем списке? — спросила она.

Лев слишком быстро закрыл ящик.

— Это маршрут проверки.

— В каком порядке?

— Что?

— Девятый перед восьмым. Если вы едете по улице, вам удобнее наоборот.

Он помолчал.

— Нам дали список, а не маршрут.

На площадку вошла женщина из управления. За ней тянулась длинная тень от фонаря охранника.

— Проверили?

— Сеть в норме, — сказал Лев. — Счётчик записал кратковременное отклонение, сейчас его нет.

— Нам нужен исходный журнал.

Инга прижала тетрадь к груди.

— Это документ участка. Его выдаёт старший мастер под расписку.

— Вы же ученица, — сказала женщина. — Вам объясняли правила работы с отклонениями?

— Да. И правила выдачи журнала тоже.

Женщина протянула руку. Инга видела на её пальце тонкое светлое кольцо, на котором не было ни царапины. Тётя Рая рассказывала, что раньше такие вещи передавали по наследству. Теперь металл старались сдавать, если в семье ломался аккумулятор или заболел кто-то из близких.

— По вашему вызову мы приехали, — сказала женщина. — Я могу оформить изъятие на месте. Или ваш мастер сделает это завтра и объяснит, почему вы задержали проверку.

Снаружи послышался гул двигателя. Инга обернулась: к девятому дому подъехал ещё один автомобиль. Из него начали выходить люди в серых жилетах. Они не несли инструментов.

— Оформите, — сказала она.

Женщина достала из кармана бумажный бланк. Лев держал фонарь, пока та заполняла строки. Инга прочла текст дважды. В нём значилось, что журнал изъят для проверки оборудования восьмого дома. О девятом там не говорилось ничего.

— Здесь указан только наш дом.

— Это ваш участок.

— А о девятом я тоже записала.

— Не в этом журнале.

Инга открыла страницу. Её запись про красный сигнал была там, под строкой с семёркой. Женщина посмотрела на неё и медленно зачеркнула в бланке слово «оборудования». Надписала: «обстоятельств сообщения».

— Теперь устраивает?

Инга подписала свою фамилию и получила копию. Женщина забрала журнал.

Женя стоял у стены, засунув руки в карманы. Он не пытался вмешаться. Только когда люди вышли во двор, наклонился к сестре.

— Я переписал.

— Что?

— Последнюю страницу. Пока ты была у двери.

Он разжал ладонь. На ней шариковой ручкой были выведены время, цифра семь, неровная вертикальная полоса и слово «сигнал». Остальное не поместилось: буквы сбились к запястью.

— Я хотел сфотографировать, но экран не включился.

— Ты хоть ручку потом смоешь?

— А надо?

Инга взяла его за руку и отвернула ладонью к себе. Полоса и семёрка были видны отчётливо. Она вдруг почувствовала такой приступ благодарности, что чуть не обняла его при всех. Вместо этого достала из внутреннего кармана сложенный лист бланка, положила на ладонь и осторожно обвела записи карандашом, перенося их на бумагу.

— Не выйдет, — сказал Женя.

— Знаю. Просто пытаюсь запомнить, где что.

Когда они вышли во двор, люди в серых жилетах стояли возле входа в девятый дом. Один читал фамилии по списку. Жилыцы подходили и показывали документы. У кого-то спрашивали, сколько человек живёт в квартире; кого-то сразу отправляли обратно в подъезд. Женщину с ребёнком попросили подождать отдельно.

— Куда её? — спросила тётя Рая.

— В пункт уточнения, — ответил охранник.

— С ребёнком?

— Вместе.

На этом он счёл разговор законченным. Женщина прижала к себе девочку в красной шапке. Ребёнок сонно смотрел на машину и пытался сосчитать фонари на её крыше.

Инга шагнула к ним, но Лев оказался рядом раньше.

— Вы жильцы восьмого, — сказал он. — Идите к себе.

— Куда их повезут?

— Я не знаю.

— У вас был список.

— Там были адреса.

— Наш тоже.

Лев опустил глаза на её руки. В одной она держала копию бланка, другой сжимала пальцы Жени. Брат не пытался вырваться.

— Сохраните расписку, — сказал Лев. — Если завтра придут за чем-то ещё, попросите такую же.

— Вы сейчас даёте мне совет или предупреждаете?

Он посмотрел на женщину из управления, которая разговаривала с охранником у машины.

— Я говорю, что у бумаги нет батарейки. Её сложнее отключить.

За спиной Льва послышался детский плач. Девочка в красной шапке больше не считала фонари. Она стягивала рукав с руки женщины, к которой прижималась, и повторяла одно слово: «Кошка».

— Дома осталась, — объяснила женщина охраннику. — Могу я подняться? Ей нужно воды поставить.

— Вам сказали ждать.

— Я две минуты. У меня ключ.

Инга увидела, что ключ женщина действительно держит в руке. Он блестел на короткой цепочке. Охранник тоже посмотрел, но не пошевелился.

— Пока идёт сверка, в дом нельзя.

— Тогда пустите кого-нибудь с ней, — сказала Рая. — Вы же сами там ходите.

Охранник, казалось, собирался ответить, но из машины его окликнули. Он отвернулся, подошёл к двери и выслушал женщину в тёмном пальто. Та что-то показала на планшете. Девочка тем временем успокоилась и уставилась на Женю. Брат Инги вытащил из кармана сложенный бумажный самолёт, увидел собственную исписанную ладонь и спрятал самолёт обратно: тот мог понадобиться, если запись сотрётся.

— Её зовут Фасоль, — сообщила девочка.

— Кошку? — спросил Женя.

— Да. Она не любит воду из миски. Только из кружки.

— А почему Фасоль?

— Потому что она белая. Только хвост чёрный.

Женя обдумал ответ.

— У нас в классе есть мальчик по фамилии Фасоль. Он не любит, когда его так называют.

— А её можно. Она не обижается.

Женщина погладила девочку по шапке, но та отвернулась.

— Она будет спать в раковине, — сказала девочка. — Там капает. Может, она и так попьёт?

— Может, — сказала мать. — Но лучше я всё-таки поставлю кружку.

Лев подошёл к охраннику. Инга не слышала, о чём они разговаривали; женщина из управления на секунду подняла голову, потом снова посмотрела в планшет. Охранник вернулся.

— В квартиру вас сейчас не пустят. Можно записать просьбу. Когда сотрудники поднимутся, проверят животное.

— Когда поднимутся? — спросила женщина.

— Я не знаю. Назовите квартиру.

Она назвала и продиктовала номер. Охранник записал на ладони — точно так же, как Женя записал знак. Инга почти улыбнулась, но сразу спросила:

— А если запись сотрётся?

— У меня будет с чем сверить, — ответил Лев. — Я тоже записал.

Он показал маленький блокнот. Рядом с номером квартиры стояло: «Кошка, вода в кружке». Женщина наклонилась проверить, затем попросила добавить, что кошка может забиться под ванну и её нельзя вытаскивать за хвост.

— Она кусается? — спросил Лев.

— Когда тянут за хвост — да.

— Я бы тоже, — сказал Женя.

Девочка засмеялась, потом вспомнила, что плакала, и спрятала лицо в пальто матери. Лев убрал блокнот.

— Я передам, но не могу обещать, что поднимусь сам.

Женщина в тёмном пальто теперь разговаривала с водителем. Тот вынес из машины складной стул и поставил у стены. Инга подумала, что стул для девочки, но на него усадили пожилого мужчину, который до этого придерживался за поручень подъезда. Мужчина протестовал: уверял, что у него всё в порядке и он ждёт жену. Никто не объяснил ему, где жена и почему он не может подняться к ней.

Рая подошла к нему и предложила свой фонарь. Мужчина отказался. Она не стала настаивать, только спросила имя жены и попросила повторить, на каком этаже квартира. Он ответил и вдруг посмотрел на Раю с испугом.

— Я вам сейчас сказал. А вы откуда?

— Из соседнего дома. Если вам неудобно, я не буду записывать.

— Неудобно, что надо спрашивать через двор. Мы сорок лет живём за одной дверью.

Он сам попросил записать имя. Рая достала из кармана блокнот с хозяйственными пометками и заняла последнюю чистую страницу. Инга увидела поверх его плеча список: стиральный порошок, нитки, батарейки. Имя жены Рая написала ниже, после короткой черты, как будто это была ещё одна вещь, которую она обязательно должна принести домой.

— Я буду здесь, пока не узнаю, — сказала она мужчине.

— У вас дома, может, тоже ждут.

— Ждут. Поэтому я и хочу поскорее узнать.

Он усмехнулся, но улыбка не продержалась долго. В дверях появился сотрудник в сером жилете и попросил людей отойти от входа. Рая отступила на два шага; Инга отступила вместе с ней, не отпуская Женю.

Из девятого подъезда вынесли небольшую клетку, накрытую полотенцем. Девочка вырвалась у матери и подбежала, пока Инга не успела её остановить. Человек с клеткой отступил и приподнял ткань: внутри была канарейка.

— Не Фасоль, — сказала девочка.

— Нет. Но кошку тоже проверят, — ответила женщина в сером жилете. — У меня записано, какая квартира.

Канарейка сидела на жёрдочке неподвижно. Женя хотел заглянуть поближе, однако хозяйка птицы попросила не шуметь. Он отступил и увёл девочку к матери. Инга запомнила клетку: её вынесли из дома, хотя людей просили ждать. Значит, кто-то уже ходил по квартирам. Она хотела спросить об этом женщину в жилете, но та торопилась к машине и попросила подождать.

На крыше машины вращалась красная лампа. Каждый оборот высвечивал кусок стены, ручку складного стула, тонкую цепочку ключа. Между вспышками всё это исчезало. Девочка снова спросила про кошку — уже тише, будто боялась разбудить кого-то за тёмными окнами.

Лев ушёл к машине, и Инга больше не успела его расспросить.

Дома бабушка сидела у окна. Рядом с ней стояла тарелка, накрытая перевёрнутой миской: она сохранила для Инги половину остывшего яйца. Женя первым делом побежал в ванную и выключил воду, когда та из крана стала идти тоньше.

— Что там? — спросила бабушка.

— Проверка соседнего дома.

— С красным светом?

— Да.

Бабушка не стала спрашивать, почему она знает про красный свет. Весь двор видел его сквозь шторы. Инга села за стол и положила расписку рядом с тарелкой.

— Их адреса исчезли из системы.

Бабушка медленно поставила чашку. Она делала это очень аккуратно: чашка была с отколотым краем, и если задеть скол, можно было порезаться.

— Они не исчезли, — сказала она.

— У мужчины на телефоне написано...

— Написать можно что угодно. Дома стоят.

В ванной зашуршало полотенце. Женя вернулся и протянул руку. Надпись побледнела, но не исчезла. Он сдвинул рукав и показал пустое запястье.

— Я здесь ничего не записал. На всякий случай.

Бабушка взяла его ладонь, поднесла ближе к лампе и нахмурилась.

— Такая полоса?

Она провела пальцем по знаку рядом с семёркой.

— Да, — сказала Инга. — Ты её знаешь?

Бабушка посмотрела на окно, словно во дворе кто-то мог увидеть, о чём они говорят. Потом поднялась и пошла в свою комнату. Вернулась с деревянной коробкой, в которой хранились старые документы. Большинство было бесполезным: просроченные карточки, квитанции с выцветшими числами, фотографии людей, которым уже не требовался никакой учёт.

На дне лежал конверт. Бабушка вынула из него узкий лист и развернула на столе.

Вверху был напечатан тот же знак. Вертикальная полоса и цифра семь.

Ниже — адрес.

Восьмой дом.

— Когда это пришло? — спросила Инга.

— Одиннадцать лет назад.

— Почему ты никому не сказала?

— Потому что на следующий день листовку заменили другой. Сказали, произошла ошибка.

Она разгладила бумагу ладонью. На обратной стороне, в самом углу, кто-то написал ручкой имя. Инга не сразу разобрала буквы: чернила расплылись от воды.

Мира Кедрина.

Их мать.

Глава 3 Запись, которой не было

К утру девятый дом вернулся на карту.

Так, по крайней мере, утверждала городская доска у трамвайной остановки. На экране светилось расписание транспорта, прогноз нагрузки и короткое сообщение: «Технический сбой устранён. Сведения о месте проживания восстановлены». Ниже жителям приносили извинения за временные неудобства.

Инга прочитала сообщение дважды. Во дворе за её спиной всё ещё стояла машина управления баланса. Около неё женщина с девочкой в красной шапке спорила с охранником. Ребёнок не плакал; он ел хлеб, который кто-то передал через забор, и внимательно следил за каждым человеком, выходящим из подъезда.

— Значит, они ночевали там? — спросил Женя.

— Похоже.

— А у нас написали, что всё восстановлено.

Инга не ответила. Бабушка с утра убрала старый лист в коробку, а коробку спрятала в шкаф. Она не запретила Инге рассказывать о нём мастеру, только попросила не отдавать оригинал.

— Мама могла его подписать? — спросила Инга.

— Это её почерк.

— Что значит её имя на уведомлении?

— Не знаю. Она принесла лист домой, когда вы с Женей уже спали. Сказала, что произошла ошибка, и попросила пока никому не показывать.

— А потом?

— Потом уехала.

Они стояли на кухне. Электричество вернулось в шесть, и бабушка уже успела согреть воду. Чайник шумел, мешая расслышать её слова. Инга выключила его раньше, чем вода закипела.

— Ты никогда мне этого не говорила.

— Я думала, это старое уведомление ничего не объяснит. Ты была маленькой, а потом...

— Бабушка села за стол. — Потом каждый год откладывала разговор. Мне не хотелось снова видеть, как ты ждёшь ответа.

— Я и так его жду.

— Знаю.

Инга сняла конверт на рабочий планшет. Сначала целиком, потом отдельно имя матери и код. Последнюю фотографию сделала при дневном свете: у окна буквы читались лучше. Бабушка придерживала край листа, чтобы он не свернулся.

Из комнаты вышел Женя с одеялом на плечах. Он тащил за собой край, как плащ, и наступал на него, пока не остановился у стола.

— Сфотографировала? — спросил он.

— Да.

— Покажи.

Инга передала ему планшет. Женя приблизил изображение так, что на экране остались только неровные синие буквы. Он посмотрел, потом увеличил ещё сильнее.

— Здесь не «р»?

— В слове «Мира»? — спросила бабушка.

— Может, там не Мира. Может, это другая фамилия.

Он сказал это без особой надежды, скорее проверяя, можно ли ещё что-нибудь сдвинуть в уже известном. Бабушка подвинула к нему сам лист.

— Там её имя. Я знаю, как она писала.

— Я тоже знаю.

— Ты почти не видел, как она пишет.

Женя приподнял подбородок. На его лице появилось упрямое выражение, знакомое Инге ещё с тех времён, когда он отказывался надевать шапку по дороге в детский сад.

— Видел. У нас на полке книга. Там написано: «Жене от мамы».

Бабушка раскрыла рот, но ничего не сказала. Инга вспомнила книгу про птиц: потрёпанную, с выцветшим корешком. Мать подарила её брату, когда он был совсем маленьким. На первом развороте действительно была надпись; Женя не мог помнить, как она её делала, но десятки раз смотрел на результат.

— Тогда ты тоже знаешь, — сказала бабушка.

Она убрала уведомление в конверт, но коробку пока не закрыла. Женя просунул руку под одеяло и достал книгу. Значит, он принёс её с собой и всё время держал там, под локтем.

— Я не искал, — предупредил он. — Она на полке лежала.

— Это твоя книга. Можешь брать, — сказала Инга.

— Я не про книгу.

На стол выпала фотография. Она скользнула между чашкой и сахарницей. Женя поймал её за угол, но не успел перевернуть. Инга увидела мать в рабочей куртке и мальчика у неё на руках: худого, серьёзного, с торчащим воротником. На заднем плане виднелась остановка и часть трамвайного окна.

— Я не смотрел раньше, — сказал Женя. — Только сегодня нашёл. Почему она была в книге?

— Ты её туда положил, — ответила бабушка. — Очень давно. Не помнишь?

— Нет.

— Ты ходил с ней неделю и показывал всем, а потом фотография пропала. Мы думали, потерял во дворе.

Женя перевернул снимок. На обороте ничего не было, только след от старого клея. Он снова положил фотографию лицом вверх и подвинул к сестре.

— Ты помнишь этот день?

Инга помнила, как мать поднимала его к окну трамвая, чтобы он увидел водителя. Или ей казалось, что помнила: фотографию она прежде не видела, но остановка была настолько знакомой, что прошлое могло достроить её само.

— Я не уверена. Могла помнить другой день.

— А что ты точно помнишь?

— Как она говорила, чтобы я не оставляла вареники на батарее. И как однажды принесла домой тяжёлый пакет, а в нём оказались не детали, как я думала, а сливы.

Женя задумался.

— Почему это важно?

— Не знаю. Ты спросил, что я помню.

Бабушка включила плиту. Она достала из холодильника половину вчерашнего яйца и две картофелины, разрешила их пополам и положила на сковороду. Женя наблюдал молча. Инга заметила, что он смотрит на часы над дверью: оставалось достаточно времени, чтобы позавтракать, но после ночи любое дело казалось таким, которое нужно успеть раньше, чем изменится график.

— Можно я возьму фотографию в школу? — спросил он.

— Зачем? — сразу спросила бабушка.

— Показать Глебу. Он говорил, что у его тёти есть снимки нашего трамвая. Вдруг там мама тоже есть.

Инга представила, как Женя раздаёт в классе фотографии и рассказывает об уведомлении. Вчера он старался никому не мешать, но сегодня мог решить, что обязан что-то сделать сам.

— Ты собираешься рассказать ему про лист?

— Не собирался. Только спросить про фотографии.

Бабушка переложила картофель на тарелку.

— Снимок можно показать с планшета. Сам снимок останется дома.

— Мой планшет в школе сдают на первом уроке.

— Тогда после уроков покажешь.

— После уроков он уходит на тренировку.

— А завтра?

— Завтра у них другая смена.

Он перечислял препятствия быстро, явно уже продумав их. Бабушка присела рядом.

— Я боюсь, что фотография потеряется. Она одна.

— Я положу в папку.

— Папку тоже можно потерять.

— А можно сделать копию на бумаге? — спросила Инга.

В мастерской был старый копировальный аппарат. В последние месяцы его включали редко: листы приходилось заказывать заранее. Но одну копию она могла попросить у Белова.

— Сегодня после работы попробую. Не обещаю, что получится хорошо. Оригинал останется у бабушки, а ты возьмёшь копию, если она разрешит.

— А если это единственный день, когда я могу спросить Глеба?

— Спроси без фотографии. Скажи, что ищешь снимки остановки. Если они есть, посмотрите завтра.

Женя вздохнул, но фотографию вернул в книгу. Книгу положил рядом с коробкой, не подальше и не поближе: так, чтобы бабушка видела.

За завтраком он предложил разделить обязанности. Бабушка следит за объявлениями в подъезде, Инга спрашивает Белова, он выясняет про фотографии и записывает всё в тетрадь. Бабушка сказала, что не собирается сидеть дома только потому, что ей выделили объявления.

— Тогда что ты хочешь делать? — спросил Женя.

— Сначала выспаться. Потом решить.

— Но мы можем что-то пропустить.

— Можем. А если я упаду с лестницы от недосыпа, мы пропустим ещё больше.

Инга посмотрела на неё. За ночным разговором бабушка казалась собранной и даже строгой; сейчас пальцы у неё дрожали, когда она ставила чашку на блюдце. Она заметила Ингин взгляд и накрыла руку другой ладонью.

— Я лягу после того, как вы уйдёте. Рая обещала позвонить, если что-нибудь изменится.

Женя сдвинул к ней более крупный кусок картофеля. Бабушка попыталась вернуть, но он сказал, что уже наелся. Инга знала: это неправда. Она разрезала свой кусок и положила половину брату.

— Теперь у всех по одинаковому, — сказала она.

— Не одинаковому. У тебя меньше.

— У меня ещё хлеб.

— Это меняет расчёт.

Он всё-таки взял картофель. После еды сам помыл тарелку, хотя вода была холодной и обычно он избегал этого дела. Бабушка спрятала конверт и закрыла коробку на маленькую защёлку. Фотографию Женя оставил в книге; книгу поставил на полку так, чтобы корешок смотрел наружу.

Инга задержалась у полки. Ей хотелось вынуть снимок ещё раз, рассмотреть лицо матери, решить, что она точно помнит день у остановки. Но тогда пришлось бы снова расспрашивать Женю, почему он не показал фотографию раньше, а он и так смотрел на неё настороженно. Инга поправила книгу и пошла собираться.

Перед выходом Инга проверила заряд передатчика, взяла расписку об изъятии журнала и положила в сумку два куска хлеба. Женя вызвался проводить её до остановки, хотя школа находилась в другой стороне.

— До ворот, — сказала бабушка. — А потом на занятия.

— Я и собирался на занятия.

Она посмотрела на его рюкзак. Молния была расстёгнута, изнутри торчал сложенный бумажный самолёт.

— Тогда возьми тетради.

Женя вздохнул и пошёл обратно в комнату. Вернулся с тетрадями, уложенными поверх самолёта, и с таким видом, будто семейный совет только что заставил его перевезти мебель.

У остановки он сунул Инге ладонь под нос. Следы ручки почти смылись, но семёрка всё ещё виднелась у большого пальца.

— Я ночью переписал с неё в тетрадь. Только не в ту, которую учитель собирает.

— Хорошо придумал.

— Я ещё кое-что придумал.

— Расскажи после школы.

— Ты сразу думаешь, что это неприятное.

— Я сразу думаю, что ты опоздаешь.

Он посмотрел на часы и побежал. У ворот обернулся, поднял руку. Инга помахала в ответ и только тогда заметила, что уже минуту держит в ладони сложенную расписку. Край бумаги размок от пальцев.

Трамвай пришёл переполненным. Во время утреннего включения люди спешили закончить дела, требовавшие городской сети: оплатить проезд, получить справку, купить продукты в магазинах с холодильниками. Пока двери закрывались, мужчина у входа громко спорил с терминалом. Его карточка работала, но аппарат упорно показывал чужое имя.

— У меня другое отчество, — говорил он водителю. — Смотрите, вот документ.

— Езжайте так, — ответила водительница. — В депо сообщу.

— А если потом мне чужой долг выставят?

— Тогда приходите ко мне. Я вашу карточку видела.

Она назвала свой номер и записала его на клочке бумаги. Мужчина спрятал клочок в нагрудный карман. Трамвай тронулся.

У задней двери стояла женщина с большой корзиной. При каждом повороте корзина наклонялась, и она ловила её локтем. Внутри лежали банки с металлическими крышками; между ними были проложены старые газеты. На одной крышке фломастером написали «груша», на другой — «без сахара».

— Поставьте сюда, — сказал мужчина на складном сиденье и подвинул ноги.

— Мне до рынка, я скоро выйду.

— А мне до депо. Если вы мне сейчас ногу отдадите, доеду без неё.

Женщина поставила корзину. Мужчина придержал её носком ботинка. Банки звякнули и успокоились.

— Продаёте? — спросила Инга.

— Меняю. В прошлом году урожай был хороший, а холодильник сгорел. Пришлось всё закрутить. Теперь ищу аккумулятор для слухового аппарата отцу. В аптеке обещали через месяц, а у него этот уже почти не держит.

Мужчина посмотрел на банки.

— У меня у сестры такой аппарат. Ей прислали питание по заявке.

— Когда подавала?

— В августе.

— Я в июле. Мне ответили, что ожидается поставка.

— Может, ей по другому списку? Она через врача подавала.

Женщина покачала головой.

— Я тоже через врача. У них там списков столько, что можно целый вагон оклеить. Только аккумуляторов от этого не прибавляется.

На следующей остановке вошёл кондуктор с ручным счётчиком. Он проходил по салону и отмечал число пассажиров. Когда добрался до задней площадки, женщина попросила подождать: корзина мешала людям пройти.

— Записываете, сколько нас? — спросила она.

— Сколько едет и сколько выходит. Из-за утреннего ограничения проверяют загрузку.

— А банки тоже считать?

— Если они оплачивают проезд, да.

Пассажиры улыбнулись. Кондуктор не улыбнулся — сосредоточенно нажал кнопку и назвал себе под нос число. Дверь открылась, из вагона вышли двое. Он нажал ещё раз, затем посмотрел на экран и нахмурился.

— Простите. Кто-нибудь видел, сколько зашло?

— Трое, — сказал мужчина с карточкой.

— Четверо, — возразила женщина с корзиной. — Там ещё девочка была.

Девочка стояла у окна с матерью. Мать сказала, что девочка зашла на предыдущей остановке. Спор постепенно вовлёк половину площадки. Кто-то считал только взрослых, кто-то решил, что мужчина с карточкой вышел и снова вошёл. Кондуктор выключил счётчик и открыл бумажную тетрадь.

— Начнём с этой остановки. Кто выходит на следующей?

— Я, — сказала женщина с корзиной.

— И я, — сказала Инга, хотя до участка оставалось ещё две остановки.

Она произнесла это, потому что женщина уже пыталась поднять корзину и сразу стало ясно: одной ей не справиться. Инга взяла ручку с другой стороны. Мужчина освободил им проход, а кондуктор отметил двух пассажиров и сказал водителю, что на этой остановке задержатся на несколько секунд.

На улице оказалось холоднее. Женщина поставила корзину на скамью и потёрла ладони.

— Вы же в жилете, — сказала она, рассмотрев нашивку Инги. — Вам, наверное, на работу.

— На работу. Отсюда можно пешком.

— Не нужно было выходить. Я бы попросила кого-нибудь.

— Я уже вышла.

— Это не аргумент.

— Хорошо. У меня оставалось время, а вам было трудно поднять корзину. Такой аргумент подходит?

Женщина оглядела её с неожиданной серьёзностью.

— Подходит. Только не делайте вид, будто вы мне ничего не должны и поэтому можете не слушать, когда я говорю: не надо.

— Я услышала.

Они постояли рядом, пока трамвай уходил. Женщина поправила газету между банками, проверила крышки. Одна банка оказалась мокрой.

— Вот ведь, — сказала она. — Теперь не возьмут.

Крышка держалась, но из-под резьбы проступила липкая капля. Инга предложила салфетку. Женщина достала собственное полотенце, протёрла банку и поставила отдельно.

— Дома детям открою. У меня соседка с сыном из девятого сейчас, пусть попробуют. Я их ночью пустила, а утром проснулась — они уже чай поставили и стол вытерли. Как будто за проживание расплачиваются.

— Они из девятого дома?

— Из соседнего района. Там тоже номер девять. У нас половина города в девярых живёт.

Инга испытала разочарование и сразу почувствовала себя виноватой: она услышала только то, что могло помочь ей, и пропустила всё остальное.

— Простите. Я думала про наш девятый. Вчера там была проверка.

— А вы тоже из тех домов? Я по радио слышала, что сбой устранён.

— На карте устранили. Люди пока не вернулись.

Женщина медленно затянула узел на полотенце.

— У меня отец каждое утро слушает сообщения. Если услышит, что всё в порядке, успокоится. А вечером спросит, почему я опять нервничаю.

— Может, сказать ему, что вы знаете от меня?

— Скажу. Только он спросит: кто вы такая и откуда знаете. Не потому что не верит вам. Потому что не любит, когда я верю каждому встречному.

— Инга Кедрина. Я живу в восьмом. Вчера была во дворе, когда приехала служба. Только куда людей отвезли, я не видела.

Женщина назвала своё имя — Лена — и повторила Ингину фамилию, чтобы запомнить. Потом добавила:

— Я скажу, что разговаривала с соседкой. А не что точно знаю всё про дом.

Она подняла корзину сама. Инга придержала вторую ручку только до конца скамьи, пока Лена устраивала ремень на плече. После этого отпустила.

— Удачи с аккумулятором, — сказала она.

— А вам — узнать про людей. Если встречу кого-нибудь оттуда, как передать?

Инга назвала номер своего участка. Лена записала его на уголке газеты и сунула под крышку пустой банки.

— Только не обещайте отцу, что я обязательно кого-то найду, — сказала она. — Я сначала спрошу.

Инга пошла к службе пешком. По дороге она обернулась: Лена уже стояла у рынка и ждала, пока откроют ворота для продавцов. Корзина была у неё на скамье, а мокрая банка — отдельно, под полотенцем. Инга подумала, что вечером дети попробуют груши, если за день никто не опрокинет корзину. Она не могла знать этого наверняка. Но сам вопрос больше не казался ей пустяком. На следующей остановке Инга дождалась другого трамвая и снова вошла через заднюю дверь: пешком до участка она всё-таки опоздала бы.

Инга стояла возле задней двери и смотрела, как вдоль улицы загораются витрины. На первой крупным белым шрифтом висело объявление о скидках в часы низкой нагрузки. На второй — график отключений квартала. В третьей за стеклом крутилась рекламная модель домашнего аккумулятора: высокий цилиндр с гладкими боками. Цена была закрыта листком «по запросу».

На здании службы висел плакат: «Расписание делает город сильнее». Под ним сидели двое рабочих и чинили колесо тележки. Один придерживал её, другой пытался вытащить погнутый штифт. Инга вошла, пока они спорили, куда делась нужная гайка.

Старший мастер Фёдор Белов работал за столом у окна. Он слышал её шаги и раньше умел угадывать настроение по тому, как она открывает дверь. Сегодня даже не поднял головы.

— Ты рано.

— У меня изъяли журнал.

— Знаю.

На столе перед ним лежал новый, с чистой обложкой. Он придвинул его к Инге.

— Получишь под подпись. Старый в управлении, они обещали вернуть после проверки.

— Там запись про девятый дом.

— Я видел копию.

— Они забрали людей.

Белов наконец поднял голову. За ночь он, кажется, не спал: под глазами залегли тени, на вороте рубашки темнело пятно от кофе.

— Куда?

— Сказали, в пункт уточнения. Женщина с ребёнком до сих пор во дворе. Она их ждёт.

— Я запрошу список переведённых.

— Сегодня?

— Сейчас.

Он развернул к себе клавиатуру, открыл форму и начал печатать. Инга стояла рядом, пока на экране появлялись строки. Белов запросил основание проверки, список жильцов и пункт размещения. Перед отправкой задержался на последнем поле.

— Тут нужен номер события, — сказал он. — В расписке есть?

Инга подала бумагу. Он ввёл номер, нажал кнопку и получил красное уведомление: «Запись не найдена».

— Может, ошиблись цифрой, — сказал он.

Они сверили номер. Цифры совпадали.

Белов открыл другую форму, без номера события. Там просили указать причину обращения. Он напечатал: «Вчера вечером дом проверяли представители управления. Часть жильцов вывезена для уточнения сведений». Система предложила выбрать из списка более короткую формулировку: «Перемещение граждан» или «Техническая проверка».

— Они же сделали и то и другое, — сказала Инга.

— Здесь можно выбрать одно.

Он выбрал «Перемещение граждан». Форма потребовала номер решения о переселении.

— У нас его нет.

— Есть номер расписки.

— Система уже сказала, что такой записи нет.

Белов удалил введённое, выбрал «Техническая проверка» и отправил запрос. На этот раз появилась зелёная отметка. «Принято. Ответ в течение пяти рабочих дней».

— Пять дней, — сказала Инга.

— Я сейчас позвоню в управление. Сначала нужно было зарегистрировать обращение, иначе они меня обратно к форме отправят.

Он набрал номер. Инга видела, что рука у него дрожит, когда он вводит последнюю цифру. Белов спрятал кисть под стол.

Сначала никто не отвечал. Потом включилась запись, попросившая назвать номер участка. Он назвал. Следующий голос предложил дожидаться сотрудника. Они ждали вместе, слушая мелодию из трёх нот. На четвёртом повторе Белов убавил громкость.

— Тебе на сегодня назначен обход, — сказал он. — Двенадцатый дом и школа у кольца. Возьми новый журнал, а к вечеру я постараюсь выяснить.

— Восьмой дом у них следующий в списке.

— В каком списке?

Инга рассказала про лист в ящике Льва. Белов слушал, не перебивая. Когда она закончила, спросил:

— Ты точно видела свой адрес? Не номер участка?

— Адрес. С улицей и номером дома.

— И что было написано над ним?

— Я не успела прочитать.

Он потёр переносицу.

— Тогда мы пока не знаем, что это за список.

— Я знаю, что девятый был перед нами.

— Да. Это ты знаешь.

В трубке щёлкнуло. Мелодия оборвалась, и сотрудница управления попросила назвать номер обращения. Белов назвал. Сотрудница ответила, что информация о технической проверке пока не поступила и потому обсуждать нечего.

— Вчера был ваш представитель, — сказал он. — Она изъяла наш журнал. На руках у сотрудницы есть расписка с номером.

— Я могу уточнить статус изъятого документа, если вы назовёте номер журнала.

Инга достала из сумки планшет. Она сфотографировала обложку в начале месяца, когда получала журнал. Номер был на снимке.

Белов продиктовал цифры. На этот раз сотрудница нашла документ.

— Журнал принят для проверки показаний узла восьмого дома. Ориентировочный срок возврата — пять рабочих дней.

— А проверка девятого?

— У меня нет сведений о проверке девятого дома.

— Но туда приезжали ваши сотрудники.

— У меня нет этих сведений.

Белов поблагодарил её и отключился. Он не бросил трубку и не ударил по столу. Аккуратно сложил руки перед собой, потом подвинул Инге новый журнал.

— Подпиши получение.

— Вы правда хотите отправить меня на обычный обход?

— Я хочу, чтобы ты сделала работу, которая не даст им снять тебя с участка за прогул.

А я буду звонить дальше.

Инга открыла журнал. На первой странице были пустые строки: фамилия, номер допуска, дата получения. Ручка лежала рядом. Она взяла её, но подписывать не стала.

— У меня ещё есть фотография.

— Какая?

Она открыла снимок старого листа. Белов наклонился к экрану. Сначала прочитал адрес, потом посмотрел на код и резко отодвинул стул.

— Где ты это взяла?

— Дома. Мама принесла одиннадцать лет назад. Бабушка сохранила.

— На бумаге есть дата?

— Нет.

— Можно увидеть обратную сторону?

Инга переключила снимок. Имя матери было плохо видно, но Белов узнал его без подделки.

— Мира работала здесь, — сказал он.

— Она работала в службе измерений. Бабушка говорила.

— В службе измерений при управлении. Потом её перевели в другой отдел. Я больше не встречал её здесь.

— Вы говорили, что не знали её.

— Я говорил, что не работал с ней.

Инга вспомнила тот разговор. Ей было пятнадцать; она только поступила на обучение и спросила, помнит ли Белов её мать. Он ответил, что не работал с ней. Тогда Инга решила, что он её никогда не видел.

— Вы видели такой знак раньше?

— Да.

— Что он значит?

Белов посмотрел на дверь. Рабочие за окном всё ещё возились с колесом, один наконец нашёл гайку и показывал её другому. В коридоре хлопнул шкафчик.

— Я не знаю точно. Несколько лет назад у нас исчезли документы по одному участку. Перед этим в журнале появилась такая же пометка. Нам сказали, что архив перевели в новое хранилище.

— И вы поверили?

— Сначала да. Потом попросил доступ к хранилищу. Мне ответили, что я не работаю с тем участком и сведения мне не положены.

— Что стало с людьми?

— Участок перестал обслуживаться нашей бригадой. Часть домов перевели другому мастеру. Часть... — Он остановился. — Я не могу утверждать, что знаю.

— Вы проверяли адреса?

— Через несколько месяцев. Два дома стояли пустыми. На третий меня не пустили: территория оказалась закрыта на ремонт.

В коридоре кто-то остановился у двери. Белов увидел это раньше Инги. Он протянул руку к планшету и выключил экран. Дверь открылась.

На пороге стоял Лев Серов с плоским металлическим ящиком.

— Доброе утро, — сказал он. — Мне нужен ваш ученик Кедрина.

Инга убрала планшет в сумку.

— Зачем?

— Назначена проверка восьмого дома. Управление просит, чтобы присутствовал сотрудник участка, который обнаружил отклонение.

— На какое время? — спросил Белов.

— На сейчас.

— Ей нужен обход школы.

— Его можно передать другому человеку. — Лев положил на стол направление. — Я не выбирал время.

Белов прочитал бумагу и передал Инге. В документе значились её имя, адрес дома и основание проверки: «Контроль показаний общедомовой линии». Ниже оставили место для подписи сотрудника участка.

— У меня нет полного допуска, — сказала она.

— Поэтому проверять буду я. От тебя требуется присутствовать.

— И подписать?

— После проверки.

— А если я не соглашусь с тем, что там напишут?

Лев взял направление за угол, перевернул и показал обратную сторону. Там был напечатан раздел для замечаний.

— Напишешь здесь.

— Вчера я написала замечание. Мой журнал забрали.

— Ты получила расписку.

— Которой нет в системе.

На секунду у него изменилось лицо. Он посмотрел на Белова, затем на Ингу.

— Покажешь?

Она достала расписку. Лев прочитал номер, сфотографировал его своим рабочим устройством и вернул лист.

— Я узнаю, почему его не видят.

— Вы вчера сказали, что ничего не знаете.

— Про людей из девятого — не знаю. Но документ должен проходить регистрацию. Белов поднялся.

— Я позвоню диспетчеру и передам обход другому. Инга поедет с вами.

Она открыла рот, чтобы возразить, но мастер слегка качнул головой. Потом добавил:

— И возьмёт копию своего заключения. С подписью проверяющего.

— Это предусмотрено, — сказал Лев.

Инга убрала расписку в сумку и всё-таки подписала новый журнал. Рядом с её фамилией Белов поставил свою. Она увидела, как он задержал ручку над бумагой, будто хотел добавить ещё что-то, но не нашёл слов, которые можно было бы оставить в официальной строке.

На выходе из службы Лев дождался, пока дверь закроется за ними. Рабочие уже починили тележку и увезли её. На асфальте осталась одинокая гайка: вероятно, та самая, которую так долго искали.

— Ты солгала вчера про шкаф, — сказал он.

Инга остановилась.

— А вы записали, что сеть в норме.

— Показания на тот момент были в норме.

— Значит, никто из нас не солгал.

Он наклонился, поднял гайку и положил на подоконник у входа.

— Утром мне прислали протокол, — сказал он. — В нём указано, что ты не сообщала о коде. Только о погасшей лестнице.

— Лестница не погасла.

— Я знаю.

— У вас есть фотография моего журнала.

— Есть. Вчера я отправил её вместе с отчётом. Сегодня в деле фотографии нет.

Трамвайный звон раздался со стороны кольца. Инга посмотрела туда, потом снова на Льва.

— Вы сохранили копию?

— Рабочее устройство автоматически очищается после передачи.

— Удобно.

— Да.

Он сказал это без улыбки. Инга подумала о бабушкиной коробке, о старом конверте и о расписке в своей сумке. Потом о том, что с нею будет, если при проверке попросят показать содержимое.

— Почему вы мне говорите?

— Потому что я должен сегодня подписать новый протокол. И хочу понять, куда делся вчерашний.

Он кивнул на остановку.

— Если поедет сейчас, успеем до отключения вашего квартала.

— Сегодня у нас отключение вечером.

Лев развернул к ней свой экран. График восьмого дома изменили ночью. Вместо вечернего отключения стояло дневное: с десяти ноль-ноль до четырнадцати ноль-ноль.

До десяти оставалось семнадцать минут.

Глава 4 Семнадцать минут

Трамвай стоял на кольце с открытыми дверями. Водительница, прислонившись к кабине, допивала чай из железной кружки. Инга почти добежала до передней площадки, когда Лев окликнул её:

- Подожди. Проверю, что маршрут не изменили.
- У нас нет времени проверять маршрут.
- А если нас высадят у депо, его станет ещё меньше.

Он показал водительнице экран. Та прищурилась, покачала головой и поставила кружку на подоконник кабины.

— До Южной площади идём. Дальше утром сняли питание с участка. Автобус подадут, когда найдут аккумулятор.

— Пешком быстрее, — сказала Инга.

Они побежали вдоль путей. На углу пекарня продавала вчерашние булки по сниженной цене; перед ней стояла очередь, и никто не обернулся, когда Инга задела плечом край навеса. У каждого были свои минуты до отключения. Кто-то торопился забрать бельё из прачечной, кто-то нёс домой заряженный фонарь. Расписание меняли и раньше, но обычно присылали предупреждение за сутки. Сегодня у восьмого дома отняли не только электричество, но и время к этому приготовиться.

На площади Инга попыталась дозвониться бабушке. Экран трижды показал вызов и сбросил соединение. Женя взял трубку сразу.

— У нас кто-то ходит по квартирам, — сказал он вместо приветствия. — В жилетах. Говорят, проверяют батареи.

- Бабушка дома?
- Она у тёти Раи. Пошла спросить про вчерашних.
- Возьми её телефон и пойди к ней. Никуда с проверяющими не уходи.
- Я не маленький.
- Я знаю. Именно поэтому прошу: найди бабушку и оставайся с ней. Я скоро.

Он помолчал.

- Они спрашивали, где ты работаешь. Я сказал, в третьем участке.
- Правильно. Это и так написано на моей карточке.

Слова прозвучали спокойнее, чем она себя чувствовала. Отключение через четырнадцать минут. До дома пешком — восемь, если не останавливаться. Но у лестницы на мост уже скопились люди: двое работников ограждали проход красной лентой.

- Обход через нижний переход, — сказал один из них.
- Он же закрыт после дождя.
- Открыли час назад.

Из перехода пахло мокрым бетоном. Лужа по-прежнему занимала половину пола, и люди шли друг за другом по узкой полосе сухой плитки. Инга хотела обойти их, но впереди женщина с тележкой не могла поднять колесо на ступеньку. Лев подхватил тележку за ручку; Инга взяла за нижний край. Женщина поблагодарила, не глядя, и они опять побежали.

Дома номер восемь не было видно из-за автобуса. Он стоял поперёк двора, закрывая подъезд; на лобовом стекле лежала табличка «РЕЗЕРВ». Рядом с дверью разговаривали две женщины в светлых жилетах. Одна записывала что-то на планшете, другая наклеивала на коробку бумажную полосу.

— Не подходи ко мне как к сопровождающему, — быстро сказал Лев. — Я должен осмотреть ввод. Скажу, что встретил тебя здесь.

— Зачем?

— Если они уже оформляют проверку, не хочу, чтобы тебя внесли в неё как часть комиссии. Тогда твои возражения запишут на мой счёт.

Инга не успела решить, можно ли ему верить. Лев подошёл к женщинам и показал удостоверение. Она обошла автобус, заметив в салоне несколько сложенных одеял. Водитель сидел за рулём и читал бумажную книгу, удерживая страницу большим пальцем.

На первом этаже пахло жареным луком. Под дверью квартиры тёти Раи кто-то поставил три пакета, подписанные разными фамилиями. Инга позвонила один раз и сразу услышала бабушкин голос:

— Подожди, я сама.

Нина открыла в домашней кофте, без привычной косынки. Позади неё в узком коридоре стояли тётя Рая и Женя. На кухне говорили ещё несколько человек.

— У нас времени мало, — сказала Инга. — Отключение перенесли на десять.

— Нам сказали, что это проверка готовности, — ответила тётя Рая. — У кого лекарства в холодильнике, могут временно отнести в пункт на площади.

— А пункт работает?

— Они так сказали.

Из кухни вышел сосед с четвёртого этажа, Николай Антонович. Он держал в руке маленькую сумку-холодильник.

— Мне не до политических споров, — сказал он. — У меня инсулин. Если его испортят, споры продолжать будет некому.

— Я не предлагаю оставлять его в тепле, — сказала Инга. — Давайте узнаем адрес и попросим расписку. И телефон пункта.

— Я уже спросил. Вот адрес.

Он развернул листок. Адрес был написан от руки, телефон — тоже. Инга набрала номер. Женщина на другом конце ответила после долгих гудков и подтвердила: да, пункт принимает лекарства, холодильники работают от резервной линии, выдача обратно по описи. Инга передала трубку Николаю Антоновичу.

Пока он говорил, бабушка увела Ингу к окну.

— Ко мне тоже заходили. Спросили, сколько человек прописано и нужен ли нам транспорт.

— Ты показала им уведомление?

— Какое?

— Мамино.

— Нет. Я не настолько разволновалась.

Инга посмотрела на неё. Нина держалась прямо, но пальцы перебирали край кофты.

— Я не хотела тебя обидеть.

— А я не обиделась. Я просто очень давно не высыпаюсь, когда кто-то начинает интересоваться нашим домом.

На кухне Женя раскладывал на столе тетрадные листы.

— Если свет отключат, телефон у всех сядет, — объяснил он. — Я записываю, кто кому может помочь. У Семёна Петровича запасная батарея, он согласен заряжать фонари. А тётя Рая умеет делать кипяток на горелке.

— Кипяток умеет делать горелка, — поправила тётя Рая. — Я умею закрывать окно, чтобы её не задуло.

Николай Антонович закончил разговор и вернул телефон. Он всё ещё выглядел сердитым, но сумку поставил на стол.

— Пункт настоящий. Сказали, опись дадут в двух экземплярах. Я пойду.

— Я с вами, — предложила Инга.

— Ты сюда только прибежала. У тебя мать с братом... — Он осёкся, посмотрел на Нину и смутился. — Простите.

— Бабушка, — спокойно сказала она. — А мать была бы рада, что вы бережёте своё лекарство. Идите, Николай. Я попрошу Рому проводить вас с тележкой.

Инга снова посмотрела на часы: четыре минуты. Она хотела выйти и потребовать у работников объяснений, но с лестницы уже доносились шаги. В дверях появилась женщина в жилете с планшетом.

— Доброе утро. Проверяем, всем ли сообщили об изменении графика. Есть ли у вас жильцы, которым нужна помощь при отключении?

— Есть, — сказала тётя Рая. — И мы сами решаем, какая.

Женщина взглянула на пакеты у стены.

— Автобус предназначен для добровольного размещения на время проверки. В пункте есть тепло и зарядные места.

— Назовите адрес, — попросила Инга.

Женщина назвала. Он отличался от адреса медицинского пункта.

— Можно ли вернуться сегодня?

— После окончания проверки.

— Когда она закончится?

— По графику отключение до четырнадцати часов.

— Я спросила не про отключение.

Женщина убрала планшет подмышку. На вид она была ненамного старше Инги, под глазами лежали синеватые тени.

— Я не знаю. Нам сказали уточнить состав жильцов и помочь тем, кто хочет уехать. Я могу записать ваш вопрос и передать руководителю.

— Запишите, пожалуйста. И попросите его ответить письменно.

Женщина внесла вопрос в планшет. Инга проследила, чтобы там появилось её имя. Мгновение она боролась с желанием потребовать экран, сфотографировать, проверить каждое слово, но вспомнила, как вчера пропала фотография Льва. Один экран ничего не гарантировал.

— Можно мне номер обращения?

— Он появится после отправки.

— Тогда я подожду.

Женщина не возражала. За её спиной на площадке открылся шкаф с приборами; Лев что-то говорил своему напарнику, невысокому мужчине с седой полосой на виске. Тот слушал, держа в руках папку.

В квартире мигнул свет. Холодильник на кухне затих. С улицы послышался голос водителя автобуса: он звал кого-то по имени. Отключение началось точно в назначенную минуту.

— Сейчас отправлю, — сказала женщина и коснулась экрана.

Планшет задумался, потом вывел серый прямоугольник. Она нахмурилась, повторила попытку и повернула экран к Инге.

«Адрес не найден. Проверьте данные и повторите отправку».

— Это временно, — сказала она. — Такое бывает при переключении.

В коридоре стало тихо. Где-то наверху заплакал ребёнок; мать попросила его не бояться, потому что фонарь сейчас найдётся. Инга услышала этот голос так отчётливо, будто между ними не было трёх этажей.

— Вчера в девятом доме было то же самое, — сказала она.

— Я не работала вчера в девятом.

— Я работала. Запишите на бумаге.

Женщина открыла сумку и достала блокнот с логотипом управления. Не отрывая листа, написала вопрос, адрес, время и своё имя: Ольга Мухина. Потом вывела номер служебного телефона.

— Я передам руководителю лично, — сказала она. — И позвоню вам, как только получу ответ.

— Дайте мне сфотографировать.

— Да, конечно.

Инга сделала снимок, а потом попросила тётю Раю переписать запись в Женину тетрадь. Ольга ждала, пока соседка выводила буквы, медленно и разборчиво. Когда всё было готово, она закрыла блокнот и ушла к следующей двери.

Женя посмотрел вслед.

— Она виновата?

— Не знаю, — сказала Инга. — Она хотя бы оставила имя.

В подъезде Лев поднял голову от открытого шкафа и встретился с ней взглядом. Его напарник листал папку. Инга увидела на одной из страниц знакомую вертикальную черту и цифру семь.

На этот раз код стоял рядом с их собственным адресом.

Глава 5 Место для замечаний

Лев не закрыл папку, когда Инга подошла. Его напарник, наоборот, прижал ладонь к листу.

— Осмотр закончен? — спросила она.

— Нет, — сказал Лев. — Игорь, это сотрудник участка. Она должна присутствовать.

— Она присутствует, — ответил тот. — Мы смотрим показания, а не папку.

— В папке адрес моего дома, — сказала Инга. — И я хочу знать, что означает отметка.

Игорь посмотрел на Льва. Инга подумала, что сейчас он просто закрывает документ. Но тот вынул страницу и протянул ей. Бумага была обычная, копировальная, с сероватым краем. Сверху значилось: «Объекты дополнительного обследования». Ниже шли адреса, напротив каждого стояла дата. У восьмого дома — сегодняшняя. У девятого, как ей показалось, — вчерашняя; время было указано примерно за три часа до появления красной лампы. Игорь уже потянулся за листом, и рассмотреть его внимательнее она не успела.

— Что такое дополнительное обследование?

— Проверка готовности к перераспределению, — сказал Игорь.

— Почему девятый дом проверяли до того, как заметили неисправность?

— Неисправность здесь ни при чём.

Лев повернулся к нему.

— Нам сказали, что по девятому проверяют сбой счётчика.

— Я работаю по этому листу. Что вам сказали отдельно — не знаю.

На лестнице гулко хлопнула дверь. Николай Антонович с сумкой-холодильником спулся вместе с Ромой, который придерживал сложенную тележку. Инга отошла, пропуская их. Ей хотелось бежать за ними до самого медицинского пункта, убедиться, что сумку примут, а Николая отпустят домой. Но Николай уже сам держал листок с адресом и обсуждал с Ромой, как лучше обойти лужу у площади. Он поймал её взгляд и сердито кивнул: не задерживай.

— Вы можете дать копию? — спросила Инга, когда они вышли.

— Нет. Внутренний документ.

— А переписать дату?

Игорь не ответил. Он вернул лист в папку и закрыл её. Лев тем временем достал бланк осмотра. На нём в разделе показаний стояли прочерки; ниже уже была напечатана фраза: «Нарушений в работе общедомовой линии не выявлено».

— Это предварительная форма, — сказал Игорь. — После осмотра исправим, если потребуется.

Инга взяла свой журнал и записала адреса и даты, которые успела запомнить. Вчерашнее время у девятого она не восстановила точно — то ли шесть десять, то ли шесть двадцать. Она честно написала: «Около шести вечера». Если ошибётся в одной цифре, Игорь сможет объявить неверным всё остальное.

Лев проверил показания и назвал их вслух. Инга записывала за ним. Цифры у обоих совпали. Индикатор резерва не горел, но код в углу экрана оставался. Лев поднёс устройство для считывания, подождал и показал результат: «Данные отсутствуют».

— Сфотографируйте сам экран, — сказала Инга.

— Уже.

— На личный телефон.

Игорь кашлянул.

— Служебные приборы на личный телефон не снимают.

— Это прибор в моём доме.

— Это городской прибор.

Лев положил устройство на подоконник.

— Игорь, она может записать показания. Код тоже показание.

— Пусть записывает.

Инга аккуратно вывела в новом журнале вертикальную черту и семёрку. Потом попросила Льва удостоверить запись. Он подписался без колебания, а Игорь поставил рядом время, добавив: «Наличие символов подтверждаю, назначение не установлено».

Фразу про отсутствие нарушений Лев зачеркнул и написал от руки: «На экране отображается дополнительный символ; требуется запросить расшифровку». Игорь прочёл, нахмурился, но тоже подписал. Инга оставила в разделе замечаний просьбу сообщить основания изменения графика и дату его утверждения.

— У вас будет копия, — сказал Лев. — Как только внесём в систему.

— Мне нужна сейчас.

Он вынул из ящика тонкий лист копировальной бумаги и подложил под бланк. Пока они переписывали строки, на площадке появилась Ольга Мухина. В руках она держала телефон.

— Мне ответили по вашему вопросу. Автобус остаётся до четырнадцати, затем решение о продлении будет принимать комиссия.

— Где комиссия? — спросила тётя Рая, выходя из квартиры.

— Приедет после осмотра дома.

— Как зовут председателя?

— Пока не знаю.

— Запишите ещё один вопрос.

Ольга записала. На этот раз она сама вырвала лист из блокнота и отдала Рае.

Ольга спустилась во двор, чтобы передать председателю комиссии вопрос о времени приезда. Лев и Игорь остались у шкафа; им нужно было закрыть служебную часть осмотра и дожидаться ответа по коду. Инга поднялась к бабушке за новым листом для журнала. Рая пошла за ней.

На кухонном столе всё ещё лежали записи Жени: кто может зарядить фонарь, у кого есть запас воды и кто согласен отнести лекарства. Бабушка собрала страницы в стопку, чтобы не занимали весь стол, но один лист оставила отдельно.

— Это что? — спросила Инга.

— Адреса людей, с которыми мы пока не связались. Не знаю, нужно ли им что-то, но Женя переживает, что не спросил.

В списке было четыре квартиры. Возле двух стояли фамилии, возле третьей — только номер; четвёртую Женя пометил вопросительным знаком.

— Он сейчас где? — спросила Рая.

— Собирает тетради. Ему во вторую смену.

Женя вышел из комнаты с рюкзаком и сразу увидел лист в бабушкиной руке.

— Я не дописал.

— Ты не обязан опросить весь дом, — сказала Инга.

— А если кому-то надо, а я пропущу?

— Тогда кто-нибудь ещё спросит.

— Кто?

Рая взяла карандаш.

— Например, я. Бабушка позвонит тем, чьи номера у неё есть. Инга пока остаётся с осмотром. Ты идёшь в школу.

— Почему мне досталась школа?

— Потому что она тебе положена по возрасту.

— И это нечестное распределение.

— Согласна. Но если ты получишь двойку, мне её исправлять не разрешат.

Он не улыбнулся. В коридоре хлопнула дверь, и Инга подумала, что он уже ушёл. Но Женя просто положил рюкзак у порога и вернулся с учебником.

— А можно хотя бы в четвёртую квартиру зайти? Они рядом.

— Вместе, — сказала Рая. — И если скажут, что помощь не нужна, не будем спрашивать пять раз.

В четвёртой открыла девушка лет двадцати пяти с мокрыми руками. Она держала в локте полотенце; за её спиной в комнате громко читал кто-то с детским голосом. На вопрос Раи девушка ответила, что помощь не нужна, но спасибо.

Женя уже собирался сделать отметку, когда в комнате что-то упало. Девушка оглянулась.

— Я ещё не закончила, — донёсся голос. — Не входи.

— Это моя сестра, — объяснила девушка. — У неё завтра выступление. Она репетирует и сердится, если я слушаю раньше времени.

— Пусть репетирует, — сказала Рая. — Мы не задерживаем.

Девушка всё же посмотрела на рюкзак Жени.

— Ты в школу? Скажи, у вас сегодня спортзал работает? У нас в расписании отмена, а в чате пишут, что будет общий урок.

— Не знаю. Могу спросить, когда приду.

— Хорошо. Только не обязательно. Сестра сама узнает.

Рая не поставила рядом с квартирой отметку «помощь нужна». Вместо этого записала: «Спросить про спортзал, если будет возможность». Женя посмотрел и сказал, что место можно было использовать для более важного.

— А для неё это важно, — ответила Инга.

На лестнице им встретился мужчина с переносной лампой. Он предложил поставить её у шкафа, чтобы техникам было светлее. Игорь уже держал фонарь, но мужчина всё равно подключил аккумулятор лампы и направил свет вниз. Получилось слишком ярко: Лев зажмурился и попросил повернуть в стену.

— Я же помочь, — сказал мужчина.

— И помогли. Только отражённый свет лучше, — ответил Лев.

Мужчина повернул лампу и остался рядом. Инга знала его в лицо, но не помнила имени. Он жил один и обычно выходил к почтовым ящикам очень рано, когда двор ещё был пуст.

— Вы видели вчера автобус? — спросил он Ингу.

— Видела людей у девятого. Не видела, как всех увозили.

— А водителя видели?

— Да. Сегодняшнего. Он сидел и читал.

— Я про вчерашний.

— Нет.

Мужчина выключил лампу, потом сразу включил снова: её направленный свет уже стал частью работы у шкафа.

— Мой двоюродный брат водит в депо. Я ему позвонил. Он сказал, что автобусы иногда подают заранее, если ждут проверку. Я хотел узнать, может, он сам был.

— Он сказал, что был?

— Нет. Я не успел спросить: связь оборвалась. Теперь жду, пока выйдет на смену.

Инга предложила записать его номер, чтобы связаться, если брат ответит. Мужчина покачал головой.

— Сначала сам спрошу. Он не любит, когда я без него кому-то обещаю.

Рая кивнула, и разговор на этом закончился. Мужчина не ушёл: поправил лампу и предложил Игорю придержать папку. Тот ответил, что справится, но поблагодарил.

Инга вернулась на кухню. Бабушка разговаривала по телефону с жильцами шестого этажа. Из трубки раздавался громкий женский голос: кто-то перечислял, сколько воды успели

набрать и кто забрал вещи из прачечной. Нина слушала, иногда говорила «да» и ничего не записывала.

Закончив, она сказала:

— Им ничего не нужно. Только просили передать, что они не забыли про общий чайник.

Он у них до вечера.

— Какой чайник? — спросил Женя.

— Большой. На случай, если придётся всем собраться внизу. Ты же сам записал.

Он нашёл в тетради строчку, перечитал и нахмурился.

— Я написал «чайник — шестой», а потом забыл, что это этаж.

— Вот и выяснили, — сказала бабушка.

За окном люди понемногу переставали смотреть на автобус. К нему привыкали, как к строительным лесам, которые обещают убрать через неделю и оставляют на месяц. Водитель вышел из салона, размял ноги и пошёл к ларьку за водой. Рая заметила, что он запер дверь, и записала время; потом сама перечеркнула запись.

— Зачем? — спросила Инга.

— Он вышел за водой. Я ещё немного — и начну отмечать, сколько раз человек моргнул.

— А если он уедет?

— Тогда увижу. Но пока пусть попьёт.

Женя взял рюкзак. Бабушка проводила его до двери. Инга собиралась напомнить ему про уроки и телефон, но он опередил:

— Я после школы сразу домой. Если что-то меняется, позвоню. И про спортзал спрошу, если будет возможность.

— Договорились, — сказала она.

Он вернулся в комнату проверить, не забыл ли учебник: до уроков ещё оставалось время. Рая спустилась за фонарём, забытым у почтовых ящиков. Инга осталась с бабушкой, пока та переписывала адреса в более удобном порядке. Потом из подъезда позвали: Лев хотел сверить номер их обращения. Инга взяла журнал и вышла к нему.

В полдень пришёл Николай Антонович. Холодильник в пункте работал, сумку приняли по описи. Женщина за столом даже предложила ему чай. Но домой он вернулся не один. Следом шла невысокая женщина в синем пальто, с бумажным пакетом на груди. Она не смотрела на восьмой дом, пока не оказалась у самой двери. Потом остановилась и спросила:

— Здесь живёт Инга Кедрина?

Инга узнала её. Вчера эта женщина стояла во дворе девятого с мальчиком, ожидая мужа. Мальчика сегодня с ней не было.

— Я Инга.

— Меня зовут Марина. Мне сказали, что вы были у нашего счётчика и говорили с представителем. Я ищу мужа. Его зовут Артём Корнеев.

Она достала из пакета снимок. Артём стоял на берегу реки, обнимая сына. Его лицо показалось Инге знакомым: мужчина в домашних тапках, который просил передатчик.

— Вы его видели? — спросила Марина.

— Вчера. Он хотел вам позвонить.

Марина закрыла глаза и сделала короткий вдох. Ей не понадобилось спрашивать, удалось ли позвонить: если бы удалось, она не стояла бы здесь.

— У меня есть его расписка, — сказала Инга. — Он записал ваш номер на обороте. Я могу показать.

— Мне сказали, его не было среди тех, кого отправили в пункт. Что он мог уйти сам.

— Кто сказал?

— По телефону справочной службы.

— Они называли пункт?

— Нет. Сказали, сведения о нём не поступали.

Марина смотрела на неё так, будто ещё немного — и Инга вспомнит что-то, что изменит ответ справочной. Но Инга помнила только номер, записанный на обороте, и мужские тапки на мокром асфальте.

— Я видела, что он был у дома, — сказала она. — Не видела, как он садился в автобус. Я скажу это письменно, если нужно.

— Нужно. Мне каждый раз отвечают, что свидетелей нет.

Они поднялись к тётке Рае. На кухне ещё пахло луком, хотя сковороду давно убрали. Инга написала, что видела Артёма около девятого дома и разговаривала с ним в девять вечера. Подписала, указала телефон. Марина попросила второй экземпляр и сложила оба в пакет.

— А теперь что? — спросила Женя у двери.

— Я пойду в справочную лично, — ответила Марина.

— Я с вами, — сказал Лев.

Все повернулись к нему. Он стоял на пороге с копией осмотра в руках.

— Вчера я работал на месте. Могу подтвердить, когда приехала служба и сколько времени мы там были.

Инга вспомнила, как он объяснял ей, что его фотография исчезла. Свидетельство было не тем же самым, что спасение, но и не обещанием, которое можно дать и забыть. Марина посмотрела на его удостоверение и кивнула.

— Тогда пойдёмте сейчас. Там принимают до трёх.

Глава 6 Окно номер шесть

Справочная занимала первый этаж бывшей библиотеки. Над входом сохранилась каменная надпись «Читальный зал», но витрины закрыли матовой плёнкой, а вместо книжных объявлений прикрепили расписание приёма. Инга когда-то приходила сюда с бабушкой за учебниками. Теперь очередь стояла на улице, и каждый человек держал в руках папку.

Лев показал охраннику служебное удостоверение. Тот пропустил их через отдельную дверь — только затем, чтобы поставить в ту же очередь внутри. Инга запомнила это и потом разозлилась на себя: она тоже надеялась, что удостоверение что-нибудь откроет.

Тётя Рая осталась в доме. Женя попросился с ними, но у него были занятия после обеда. Бабушка обещала проводить его до школы и забрать вечером. Инга позвонила перед входом: Женя ещё пытался убедить Нину, что уже знает дорогу. Бабушка ответила, что дорогу знает и она тоже, поэтому пойдёт.

Очередь двигалась к шести окошкам. Над каждым горел номер. У первого принимали вопросы о платежах, у второго — о переезде, у третьего — заявления по карточкам. У шестого не было таблички. Лишь белый квадрат и маленькая лампа. Она загоралась раз в несколько минут; человек, чьё имя произносили по громкой связи, вставал и уходил туда один.

— Мужу принадлежит половина квартиры, — сказала Марина, когда к ним подошла девушка с планшетом. — Вчера он оказался в доме во время проверки. Я хочу узнать, где его найти.

— Адрес дома?

Марина назвала.

Девушка ввела данные. На экране появилось то же сообщение, что у Ольги в подъезде. Девушка нахмурилась, сверила номер и попробовала ещё раз.

— По этому адресу сейчас нет жилого объекта.

— Вчера был.

— Возможно, проводится техническая сверка. Я могу записать фамилию мужа для обратного звонка.

— Я вчера уже записывала. Сегодня тоже. Мне сказали прийти лично.

— Тогда давайте проверим по фамилии.

Она ввела имя Артёма. Результат искался долго. Люди позади нетерпеливо зашевелились, но девушка не торопилась. Наконец она повернула экран к себе и сказала:

— Господин Корнеев проходит уточнение данных. Мы сообщим, когда он сможет с вами связаться.

— Где он?

— Этой информации у меня нет.

— Уточнение чего?

— Я не вижу подробностей.

Инга протянула своё свидетельство.

— Приобщите к обращению. Я видела его перед тем, как людей увезли.

— Вы уверены, что его увезли?

— Я написала то, что видела. Прочтите.

Девушка прочла, и в её лице что-то изменилось. Она оглянулась на шестое окно. Потом наклонилась к Марине и сказала почти шёпотом:

— Попросите номер обращения. Не только фамилию сотрудника. Номер.

— Вы можете его дать?

— Я только распределяю очередь. Вам к шестому окну.

Они отошли к стене. На ней под матовой плёнкой проступали следы старых библиотечных надписей: названия отделов и стрелки. Кто-то пытался отклеить край у слова «детский», но остановился на середине, и получилась только буква «Д».

Марина поставила пакет на скамейку. Та оказалась мокрой: мужчина перед ней принёс зонт и оставил его на сиденье. Марина быстро подняла пакет, проверила дно и вынула фотографию Артёма. Бумага намочнуть не успела.

— Я всё время думаю, — сказала она, — вдруг он уже дома, а я здесь.

— Можем попросить соседку проверить, — предложила Инга.

— Соседка сейчас с Костей. Я звонила перед тем, как выйти. Она сказала бы.

— Может, позвонить ещё раз?

Марина достала телефон, посмотрела на экран и убрала.

— У неё двое своих детей. Я сегодня звонила трижды. Она не жалуется, но каждый раз спрашивает, ела ли я. Если снова позвоню, она решит, что я опять забыла.

— А вы ели? — спросил Лев.

— Нет. Поэтому и решит правильно.

Он огляделся и указал на автомат с напитками. Марина покачала головой: ей не хотелось терять очередь. Инга достала из сумки кусок хлеба, который утром положила бабушка. Он немного смялся и пах яблоком: она завернула их в один пакет.

— Это не обед, — сказала она. — Но пока можно съесть.

Марина взяла хлеб не сразу. Отломил маленький кусок, потом ещё один. Оставшуюся половину вернула Инге.

— Вашей бабушке не понравится, если вы тоже не поедите.

— Она не узнает.

— Бабушки всегда узнают.

Лев хотел что-то сказать, но над первым окном загорелась красная лампа и раздался резкий звук, похожий на звон разбитого стакана. Женщина с ребёнком у стойки вздрогнула. Из-за перегородки вышел сотрудник и объяснил: очередь по платежам приостановлена, система не принимает карточки. Он попросил тех, у кого бумажные квитанции, пройти к третьему окну.

— У меня бумажная, — сказал мужчина с жёлтой папкой, — но заплатить надо сегодня. По бумаге не принимают оплату.

— По бумаге можно зарегистрировать обращение.

— Мне не обращение надо. Мне надо заплатить, чтобы нам завтра подключили.

В очереди поднялся шум. Девушка с планшетом, которая направила Марину к шестому окну, подошла к стойке и забрала у сотрудника листок. Что-то быстро написала на нём и прикрепила на стекло первого окна. Инга увидела: посетителям, пришедшим в часы сбоя, дадут отметку о попытке оплаты. Мужчина с жёлтой папкой спросил, признают ли эту отметку в расчётном отделе.

— Я сейчас уточню, — ответила девушка.

Она ушла за перегородку, а мужчина посмотрел на очередь.

— Если не признают, я вот это объявление сниму и принесу им. Пусть читают.

Женщина с ребёнком предложила сфотографировать лист. Он согласился, но её телефон не смог сфокусироваться на стекле. Лев попросил разрешения, сделал снимок на свой и показал. На фотографии отражалось окно и чья-то рука, однако текст был читаем.

— Перешлите? — спросил мужчина.

Лев назвал свой номер и попросил отправить ему короткое сообщение. Пока они разбирались с контактами, Инга заметила Марину: та перечитывала своё свидетельство с таким напряжением, будто там могло появиться новое слово.

— Там верно написано? — спросила Инга.

— Да. Я проверяю, не забыла ли что-нибудь ещё. У него куртка осталась у нас. Значит, он вышел без неё. Может, там холодно.

— В пунктах должны давать одежду, — сказал Лев.

— Должны. Вы там были?

— В этом — нет. Я вообще не знаю, в какой его направили.

Марина кивнула. Она, кажется, была благодарна именно за то, что он не попытался заполнить неизвестность уверенным ответом.

К ним подошла та самая девушка с планшетом.

— Простите. Вас вызовут, но может понадобится подтверждение родства. Документы у вас с собой?

— Свидетельство о браке есть. Но квартира и так на обоих.

— В системе по адресу сейчас не открывается карточка. Поэтому лучше иметь бумажный документ.

Марина вынула свидетельство из конверта. Угол у него был погнут; она машинально разгладила его ногтем.

— Если карточка не открывается, это значит, что я не жена?

— Нет, конечно.

— А что значит?

Девушка посмотрела на планшет, как будто надеялась, что там появится подходящий ответ.

— Что я не могу проверить это здесь. Поэтому попросила документ. Я понимаю, как это звучит.

— Не думаю, что понимаете.

Девушка не стала спорить. Она показала Марине, где находится копировальная комната, и объяснила, что оригинал никто не должен оставлять в справочной. Потом добавила, что по платежам обещали не начислять просрочку за этот день, если посетитель возьмёт отметку.

Мужчина с жёлтой папкой попросил записать это на объявлении. Девушка согласилась, но сначала уточнила по телефону имя сотрудника, который дал ответ. Только после этого дописала две строки. Мужчина прочёл их и уступил место женщине с ребёнком.

Марина вернула документы в пакет.

— Я накричала на неё, — сказала она.

— Вы говорили тихо, — заметила Инга.

— Это не значит, что не накричала.

Она подошла к девушке и спросила, как её зовут. Та представилась Дашей. Марина поблагодарила за предупреждение о свидетельстве. Даша смутилась и сказала, что просто делает работу.

— Я знаю, — ответила Марина. — Но я бы сегодня забыла его достать.

Из коридора вынесли стопку стульев. Один поставили возле стены; Марина села, чтобы не держать пакет на весу. Лев остался стоять, но пододвинул её стул чуть дальше от прохода. Она подвинула обратно: отсюда было лучше видно шестое окно.

Марина повернула стул так, чтобы видеть белый квадрат над шестым окном, и положила пакет на колени.

Оно загорелось через двадцать минут. По громкой связи назвали Марину и попросили подойти одну. Она сжала пакет так сильно, что бумага хрустнула.

— Пусть свидетель останется снаружи, — сказал мужчина за стеклом. — Вы сможете рассказать сами.

— Свидетель не видел, куда его увезли, — ответила Марина. — Но он видел моего мужа, и вчера мне сказали, что никто его не видел. Пусть будет рядом.

Мужчина посмотрел на Ингу, затем на Льва. Сотрудника управления он узнал по жилету и на секунду задержал взгляд на его нашивке.

— Хорошо. Только без записи разговора.

Инга убрала телефон. Лев положил свой на край стойки экраном вниз.

Мужчина назвал себя Денисом Астаховым. Фамилию Марина попросила написать на листе. Он написал и подвёл под ней черту. Узнать, где находится Артём, он не смог: доступ к месту размещения открывался только ответственному за конкретную проверку. Номер обращения он присвоил, но заявление Инги не принял как приложение.

— Оно относится к технической проверке, — сказал он. — Вам в третье окно.

— Мне только что сказали в шестое.

— Вы спрашивали о человеке. Сейчас вы хотите передать документ о работе узла.

— Я хочу передать документ о человеке.

Астахов перечитал лист. Задержался на словах «хотел позвонить жене».

— Ладно. Приму. Но в ответе будет только информация о статусе обращения.

Он поставил штамп и протянул второй экземпляр. На штампе значилась сегодняшняя дата и номер. Марина провела по нему пальцем, проверяя, высохли ли чернила.

— Когда ответ?

— В течение двух дней.

— А если ему нужна помощь?

— В пунктах размещения работают медики.

— Как вы можете знать, что он в пункте размещения, если не знаете где?

Астахов замолчал. За его спиной кто-то открыл дверь, и в щель Инга увидела длинный коридор с бледными стенами. У дальней двери стояла женщина с пакетом лекарств. Её пропустили внутрь, не проверяя сумку.

— Я могу узнать о состоянии вашего мужа, — сказал Астахов. — Это займёт время. Оставьте телефон.

Марина оставила. Она не улыбнулась, когда он пообещал позвонить.

На выходе Льва остановил звонок. Он послушал, коротко ответил и ушёл к окну, где ещё виднелся прежний библиотечный витраж. Марина убирала бумаги в пакет, и Инга заметила, что сверху лежит детский рисунок: круглая голова, два длинных рукава, рядом дом с одним жёлтым окном.

— Сын нарисовал? — спросила она.

— Да. Сказал, чтобы я показала папе. Вдруг он забыл, как мы выглядим.

Марина вытащила рисунок и осторожно разгладила его.

— Я вчера оставила его у соседки. Он спрашивал, почему взрослые могут не знать, где человек. Я сказала, что они знают, просто пока не могут мне сказать. Это была неправда?

Инга посмотрела на закрытую дверь шестого окна.

— Наверное, кто-то знает. Но я не знаю кто.

— Тогда хорошо, что я не назвала имени.

Лев вернулся бледнее, чем был. Марина не стала ждать объяснений и ушла к остановке. На лестнице она обернулась и подняла пакет: спасибо. Инга подняла руку в ответ.

— Меня вызывают к начальнику смены, — сказал Лев. — Спрашивали, почему я привёл в справочную человека, который не относится к нашей проверке.

— Вы привели Марину. Я пришла сама.

— Я так и сказал.

— И что будет?

— Не знаю. Но если Астахов позвонит, попроси Марину записать время и его слова. Он может знать меньше, чем делает вид, но разговор всё равно важен.

Инга хотела спросить, почему он продолжает помогать. Не спросила. Пока это было похоже на требование дать обещание, к которому они оба не готовы.

Лев задержался у дверей.

— И ещё. На листе Игоря дата по девятому стояла позавчерашняя, не вчерашняя. Я успел увидеть целиком.

— Вы уверены?

— Да. Я подумал, что это ошибка. А теперь хочу посмотреть оригинал.

Он ушёл к трамвайной остановке. Инга достала журнал и дописала: «По словам Льва Серова — позавчера». Свою первоначальную запись она не зачеркнула.

Глава 7 Человек, которого не считали

К вечеру свет в восьмом доме вернули. Инга поняла это ещё с улицы: в окне тёти Раи медленно поворачивался вентилятор. Обычно соседка включала его только на несколько минут, чтобы просушить выстиранное бельё. Сегодня он работал при закрытых шторах — условный знак, который жильцы придумали на кухне: питание есть, дом открыт, можно возвращаться.

Инга поднялась по лестнице и застала бабушку у окна. Нина держала в руках приёмник, настроенный на городские новости. Говорили о снижении нагрузки и удачном прохождении утреннего пика. Про девятый дом не сказали ничего.

— Женя где?

— У Раи. Он вернулся со школы с гостем и теперь угощает его печеньем, которое я берегла к воскресенью.

— Он спросил?

— Спросил. Я сказала, что воскресенье может подождать.

Гостем оказался мальчик с фонарём. Он сидел за столом у Раи, согнувшись над Жениной тетрадью. На странице были нарисованы два дома и дорожка между ними. Мальчик добавлял третью фигуру — длинное низкое здание на другой стороне улицы.

— Это бывшая прачечная, — объяснил Женя. — Там живёт сторож. Он вчера был у девятого.

— Меня зовут Тимофей, — сказал мальчик. — Сторожа зовут дядя Саша. Он мой дедушка.

— Почему он там был? — спросила Инга.

— Чинил раму в квартире у Марии Сергеевны. Он умеет. Они соседям помогали.

Тётя Рая поставила перед Ингой чашку.

— Тимошина мама работает допоздна, он приходит ко мне, когда они договариваются. Сегодня он сказал, что дедушка уехал вместе с девятым домом. А в списках его нет, потому что он там не жил.

— В каких списках?

— Марина звонила. Ей сказали, что сверяют жильцов по регистрациям. Саша у Марии Сергеевны не зарегистрирован.

Это ещё ничего не доказывало. Александр мог выйти до приезда службы, уйти через другой двор, задержаться у знакомых. Инга спросила Тимофея, когда он последний раз говорил с дедом.

— Вчера утром. Он сказал, что придёт к нам вечером и принесёт варенье. Не пришёл. Мама звонила, телефон не отвечает. А в прачечной у него пусто.

— Ты ходил один?

— Я с мамой ходил. Она утром пошла в справочную, ей сказали ждать.

Тётя Рая отвела Ингу к плите. Вода в чайнике уже закипела, но она не выключала его, пока не договорила.

— Его мама Лида сегодня заходила. Не хочет, чтобы мальчик видел, как она расстроена. Я сказала, пусть оставит его у меня. Ты не вздумай обещать, что найдёшь дедушку к ночи.

— Я не собиралась.

— Я тоже не собиралась. А потом увидела его лицо и чуть не сказала.

Инга выключила чайник. По стеклу окна сбегали тонкие дорожки пара. За ним двор девятого был пуст, а входную дверь закрывала белая лента. Возле неё стоял человек с ящиком. Издалека он показался Инге Левом, но когда обернулся, она увидела незнакомое лицо.

— Мы можем составить список тех, кто должен был быть в доме, — сказала она. — С пометкой, откуда это известно. Не только жильцов.

— И что потом?

— Передать Марине. Пусть спросит про каждого отдельно.

Рая кивнула, но не сразу.

— Сначала спросим людей, согласны ли они, чтобы их имена передавали. Кому-то может не понравиться, что мы собираем чужие сведения.

Они так и сделали. Лида вернулась через час, усталая и злая. Она разрешила записать имя отца и номер телефона, но добавила, что прежде проверит его знакомых. Женя нарисовал в тетради два столбца: «Кто сообщил» и «Что видел сам». Он хотел добавить третий — «Кто виноват», но Инга попросила пока оставить страницу свободной.

— Почему? — спросил он.

— Потому что мы ещё не знаем достаточно.

— А если узнаем?

— Тогда напишем.

Тимофей отломил половину печенья и положил на рисунок прачечной. Никто не стал его поправлять.

Лида попросила Ингу выйти с ней на площадку. Дверь на кухню она прикрыла, оставив узкую щель. Через неё было слышно, как Женя объясняет Тимофею правила игры в слова. На букву «ы» они спорили особенно громко.

— Мама Серёжи из соседнего подъезда сказала, будто видела отца сегодня утром, — произнесла Лида. — Возле рынка. В серой куртке, с сумкой.

— Она с ним говорила?

— Нет. Увидела со спины. Пока пробралась между людьми, он ушёл.

Инга не стала говорить, что таких курток в городе, наверное, тысяча. Лида и сама это знала: пересказывала спокойно, без той торопливой надежды, от которой другие новости начинают звучать убедительнее, чем они есть.

— Я сходила на рынок, — продолжила она. — Нашла продавщицу у входа. Та помнит мужчину с сумкой, только куртка была не серая, а синяя. Или ей так показалось. Она спросила: у вашего отца лицо какое? А я стою и понимаю, что сейчас скажу «обыкновенное», и она мне не поможет.

Лида засунула руки в карманы. На манжете осталась белая полоска муки.

— Я всё утро на работе раскатывала тесто и думала: вдруг он уже пришёл, а дверь закрыта. Я ушла раньше, начальница разрешила. Сама бы, наверное, тоже ушла на её место.

— Ты звонила ему ещё?

— Каждый час. Последний раз — с лестницы. Телефон всё так же недоступен.

С кухни донеслось:

— «Ыкать» — это не слово!

— Слово! Бабушка говорила: не ыкай!

Лида закрыла глаза и улыбнулась. На секунду она стала похожа на человека, который пришёл к соседям просто забрать сына после игры. Потом улыбка погасла.

— Ты не могла бы пойти со мной в прачечную? Я там была с Тимом, но не всё посмотрела. У отца есть тетрадь с заказами. Он записывает, кому обещал помочь. Может, кто-то звонил ему вчера и знает, когда он закончил у Марии Сергеевны.

— Конечно.

— Только без Тима. Он и так весь день ходит за мной. Если увидит, что мы ищем тетрадь, решит, что всё хуже, чем я ему сказала.

Инга подумала о Жене. Он всегда замечал, когда от него что-то прячут, и после этого воображал больше, чем случилось на самом деле. Но Лида имела право выбирать, как говорить с собственным сыном.

— Пусть оба останутся здесь, — сказала Инга. — Я попрошу Раю.

— Я попрошу сама. Она и так сделала больше, чем должна.

На улице воздух был влажный и тёплый. У девятого дома белая лента колыхалась между перилами. За ней стоял тот же человек с ящиком, которого Инга видела из окна. Теперь рядом с ним появилась женщина с жестяным ведром. Она показывала ему на закрытую дверь и что-то объясняла. Мужчина слушал, не подходя ближе к ленте.

— Это уборщица с первого этажа, — сказала Лида. — Боюсь, ей тоже никто не сказал, что дом закрыли.

Инга узнала женщину не сразу. По вторникам та мыла лестницу в девятом и распевала песни без слов, оставляя у каждого порога мокрый след от ведра. Женщина обернулась и подняла свободную руку.

— Девочки, вы не знаете, когда откроют? У меня там швабра осталась. И куртка.

— Пока не знаем, — ответила Лида.

— А я на следующий дом записана. В своём пальто пол мыть не стану.

Она произнесла это почти шутливо, но смотрела на закрытую дверь так, будто ждала, что из неё сейчас кто-нибудь выйдет и скажет: ошибочка, проходите. Инга спросила, не видела ли она в тот вечер Александра. Женщина наклонила голову, вспоминая.

— Сашу-столяра? Видела. Он в квартире у Марии Сергеевны петлю поправлял. Я тогда с четвёртого этажа спускалась. Он попросил, чтобы я у неё на коврик тряпку не оставляла: она скользкая. Хороший мужик, всё замечает.

— А который был час?

— Да вот не знаю. У меня обед в семь. Я после него как раз наверх поднялась. Значит, между семью и восемью.

— Вы сами домой когда ушли?

— Раньше, чем надо. Дочь позвонила, у внука температура. Я этажи домыть не успела, Марии Сергеевне так и сказала. Думала, завтра зайду.

Лида спросила, можно ли будет записать её слова и телефон. Женщина помедлила, взглянула на человека с ящиком и убрала руку в карман.

— Я ничего такого не говорю. Да, запишите. Только напишите, что я не знаю, куда он потом делся.

Инга достала блокнот. Ветер норовил перевернуть страницы. Женщина назвала себя Тамарой Ивановной, продиктовала номер, дважды проверила последнюю цифру. Пока Инга писала, мужчина у ленты переставил ящик в сторону. На крышке были выведены буквы участка водоснабжения. Он не пытался подслушать, но и не отходил.

— А куртку вашу можно попросить передать? — спросила Инга.

— Я не из этой службы, — сказал он. — Мне нужно осмотреть ввод. Пока доступ не разрешён.

— Кто может разрешить?

— Дежурный по объекту. Я его жду с утра.

Он показал телефон, где светилось сообщение о приёме заявки. Имя дежурного там не значилось. Тамара Ивановна посмотрела на текст, потом на свои тонкие туфли.

— Ладно. Попрошу у дочери старую кофту. Только я им сегодня счёт выставлю за прогул.

Она подхватила ведро. Инга спросила, нет ли внутри документов или ключей. Тамара Ивановна похлопала себя по сумке: ключи были при ней, документы тоже. Они обменялись телефонами и разошлись.

Бывшая прачечная стояла за небольшим сквером. Когда-то у неё были широкие окна, теперь нижние половины заложили кирпичом. В верхних отражались голые ветки и узкая полоска неба. Сторожка Александра примыкала к зданию сбоку; у двери висел ящик с прорезью для писем. Крышка перекосилась, и Лида машинально выпрямила её, прежде чем достать ключ.

— Мы договорились, что запасной будет у меня, — объяснила она. — Он всё время забывал свои перчатки, а потом звонил среди ночи и просил принести. Я сказала: хватит, оставь вторую пару у меня. Он оставил ключ.

Дверь открылась с привычным, судя по её лицу, усилием. В комнате пахло деревом, машинным маслом и чем-то сладким. На маленьком столе стояла банка варенья с бумажным кружком под крышкой. К ней был привязан шпагатом картонный ярлык: «Тимке. Не съесть самому».

Лида взяла банку и тут же поставила обратно. Крышка звякнула о стол.

— Вчера утром, значит, собирался, — сказала она. — Написал ведь.

На спинке стула висел жилет, у стены стояла складная сушилка. Ничто в комнате не выглядело перевёрнутым или брошенным в спешке. На подоконнике лежали сложенные в стопку счета и маленький пластмассовый поезд без одного колеса. Инга заметила, что Лида смотрит на поезд, и отвела глаза.

— Отец иногда забирал Тима после школы, — сказала Лида. — Пока ждут, чинят его игрушки. Эта, видимо, не поддалась.

— Где он держит тетрадь?

— Обычно у телефона.

Телефон был старый, кнопочный, подключённый к городскому аппарату на стене. Рядом лежал карандаш, обрезок наждачной бумаги и два сложенных листа. На первом оказалась ведомость по отоплению, на втором — список покупок: гвозди, мыло, хлеб. Тетради не было.

Лида посмотрела на полку над столом, потом на ящики. Она открывала их быстро, но каждый раз, прежде чем заглянуть, задерживала руку на ручке. Инга стояла у двери и не помогала: в чужой комнате легко принять заботу за разрешение трогать всё подряд.

— Можешь посмотреть под бумагами? — наконец спросила Лида. — Серую, с красным корешком.

Под счетами лежала фотография девочки в вязаной шапке. Девочка смеялась, широко открыв рот; одна варежка была привязана к рукаву слишком длинной верёвкой и почти доставала до земли. Инга протянула снимок Лиде.

— Это я, — сказала та. — Он каждый год грозился выбросить. Говорил, что я на нём похожа на пожарную каланчу.

— Похожа?

— Похожа на человека, которого заставили надеть две шапки сразу.

Лида вернула фотографию на место. Тетрадь обнаружилась в жестяной коробке из-под чая вместе с гарантийными талонами и пакетиком шурупов. Красный корешок и правда был красным, хотя от частого употребления выцвел до розового. На обложке Александр вывел: «Обещал». Ни имени, ни года.

Они сели за стол. Инга читала даты, Лида — адреса. Почерк был крупный, с длинными хвостами у букв. Рядом с некоторыми записями стояла галочка, рядом с другими — вопросительный знак. На последних страницах попадались вовсе не заказы: «Спросить у Лиды, можно ли Тиму мёд»; «Напомнить Тамаре про очки»; «Не забыть отдать Марии ступеньку».

— Он записывает всё, что боится забыть, — сказала Лида. — В прошлом году оставил чайник на плите. Ничего не случилось, но он теперь проверяет себя. Я предложила сходить к врачу, он обиделся. Потом сам сходил.

— И что врач?

— Сказал, надо наблюдать. Никакого страшного диагноза не поставил. Но когда человек пропадает, начинаешь перебирать всё сразу: а вдруг он забыл дорогу, а вдруг ему плохо, а вдруг остановился помочь и телефон разрядился. И ни одна мысль не помогает узнать, где он.

У вчерашней даты значилось: «Мария С. — рама, взять струбцину». Ниже: «Заехать к Гале на Ткацкую, измерить полку». Напротив второго адреса галочки не стояло.

— Галя — его двоюродная сестра, — сказала Лида. — Я ей звонила. Она сказала, что он не приехал. Только она не знала, что они договорились именно на вчера. Он часто пишет дату, а потом переносит.

— А телефон у неё есть?

— Есть. Я ещё раз спрошу.

Она достала телефон, набрала номер и включила громкую связь. Женщина на том конце говорила быстро, не давая перебить. Нет, Александр не приходил. Да, полку они обсуждали. Нет, точный день он не называл, только сказал, что заедет на неделе. Да, она посмотрит сообщения и перезвонит, если найдёт что-нибудь ещё.

Лида поблагодарила её, положила телефон и снова раскрыла тетрадь.

— Он записал и не поставил галочку. Это же ничего не значит?

— Само по себе — нет. Он мог забыть отметить. Или отложить встречу. Или собирался поехать, но не успел.

— Ты очень аккуратно говоришь.

Инга смутилась. Аккуратность была привычкой с работы: нельзя утверждать, что причина найдена, пока не проверишь остальное. Но сейчас ей самой хотелось не аккуратности, а ответа, который можно было бы положить перед Лидой рядом с банкой варенья.

— Я не хочу сказать тебе лишнего.

— Я понимаю. Просто иногда так хочется, чтобы кто-нибудь не понимал и уверенно сказал: сейчас найдём.

Инга посмотрела на телефон. Над ним висела фотография Тимофея, вырезанная из школьного общего снимка. Края были обрезаны неровно; за плечом мальчика остался кусочек чужого красного рукава.

— Можно я перепишу фамилию и телефон Тамары Ивановны на отдельный лист? — спросила она. — Если Лев всё-таки получит сведения, она сможет подтвердить, что видела твоего отца вечером. Только я передам её номер после того, как уточню у неё ещё раз.

— А тетрадь?

— Она у тебя. Мы можем записать только то, что касается вчерашнего дня.

Лида долго рассматривала страницу.

— Он бы не хотел, чтобы посторонние читали про врача. Или про мёд. Он и мне-то не всегда рассказывает, что у него болит.

Она вырвала чистый лист из конца тетради и переписала две строки: про раму и про полку. Потом добавила: «О времени знаю только со слов Тамары Ивановны». Инга отметила про себя, что Лида не написала «в семь»: женщина назвала промежуток, и сужать его было бы нечестно.

Лида сложила лист пополам и подала Инге.

— Держи. Если нужно будет ещё кому-то показать, сначала скажи мне.

У входа на полке лежали две перчатки: одна коричневая, другая чёрная. Лида подняла обе, оглядела комнату и взяла только коричневую.

— Эта Тимофеева. Он у отца её оставил зимой.

— А варенье?

Лида снова посмотрела на банку. Под крышкой неровно выступал край бумаги.

— Пусть стоит. Он обещал сам принести.

По дороге обратно они зашли в аптеку. У Лиды закончились таблетки от головной боли, а очередь оказалась длинной даже при работающем свете. Инга предложила подождать вместе. Девушка перед ними держала пустой контейнер и листок с названием детского лекарства. Когда подошла к окошку, фармацевт сказала, что нужного препарата нет, и назвала другую аптеку за рекой.

— Туда трамвай ходит? — спросила девушка.

- Ходит, если мост открыт. А ещё можете оставить запрос, мы сообщим, когда привезут.
- Завтра?
- Не знаю.

Девушка постояла у окна, взяла свой листок и отошла. Лида пропустила Ингу вперёд, а сама подошла к девушке, спросила, что именно нужно. Та показала упаковку на фотографии. Оказалось, у соседки Лиды недавно осталось такое лекарство после лечения сына, срок годности ещё не прошёл. Лида предложила позвонить ей прямо сейчас, но сначала посоветовала уточнить у врача, подойдёт ли дозировка. Девушка кивнула и записала номер.

Инга ждала их у двери. Ей казалось странным тратить время на чужую аптечную очередь, когда каждый час может быть важен для поиска Александра. Она уже хотела сказать, что им пора, когда услышала, как Лида диктует номер без единой запинки. Несколько минут назад она не могла вспомнить, где отец хранит тетрадь, а теперь помогала незнакомке так, будто для этого у неё оставались силы.

На улице девушка поблагодарила их и побежала к остановке. Лида проводила её взглядом.

— Тебе не надо было ждать, — сказала она Инге.

— Мне было некуда спешить. — Это вышло не совсем правдой, и Инга поправилась: — То есть я спешила, но не знала куда.

— Вот именно.

Лида убрала таблетки в карман. Обёртка тихо зашуршала.

— Он всегда останавливается, если кто-то просит. Даже когда опаздывает. Я раньше злилась. Думала: почему нельзя сначала прийти к нам, а потом спасти весь двор? А теперь мне хочется, чтобы кто-нибудь остановился ради него.

У восьмого дома их встретил Женя. Он сидел на нижней ступеньке с тетрадью на коленях. Тимофей стоял рядом, придерживая фонарь за ремешок. Увидев мать, мальчик сразу пошёл к ней, но остановился в двух шагах.

— Вы были у дедушки? — спросил он.

Лида не стала отрицать.

— Да. Мы искали его записную книжку.

— Нашли?

— Нашли. Дедушка собирался заехать к тёте Гале, но не приехал. Я ей позвонила.

— А он сам там был?

— Нет, Тим. Его пока нет.

Мальчик прижал фонарь к груди. Свет был выключен, но он всё равно следил, чтобы стекло не ударилось о пуговицу.

— Я мог с вами пойти. Я знаю, где у него что лежит.

— Ты прав. Мы должны были тебе сказать.

Инга посмотрела на Лиду. Та присела перед сыном, не пытаясь взять его за руку.

— Я подумала, что ты устанешь. Но решила за тебя и не спросила. Прости.

Тимофей шевельнул плечом. Казалось, он собирается отойти, однако остался на месте.

— Там мой поезд?

— На подоконнике.

— Он колесо не нашёл?

— Я не знаю. Посмотрим вместе в следующий раз.

Лида достала перчатку и отдала ему. Мальчик развернул её, проверил дырку на большом пальце и сунул в карман куртки.

Женя тем временем захлопнул тетрадь. Инга увидела на последней странице что-то похожее на карту двора.

— Ты куда ходила? — спросил он.

— С Лидой в прачечную. Искали тетрадь её папы.

— Я хотел показать, где у них вход. Мы с Тимом нарисовали.

— Я помню дорогу.

— Дело не в дороге.

Он сказал это тихо, но Инга всё равно оглянулась: на площадке перед домом стояли двое соседей, и ей не хотелось ссориться при них.

— Пойдём домой, — предложила она.

— Ты всё время говоришь «потом». Потом я пойму, потом мне расскажут, потом мы что-нибудь запишем. У нас вчера людей увезли, а я должен играть в слова.

— Ты никому ничего не должен. Но ты и не обязан искать взрослых людей вместе с нами.

— Я не обязан. Я хочу.

Он держал тетрадь так крепко, что согнул картонную обложку. Инга вспомнила, как в справочной её попросили оставить телефон экраном вниз, и то раздражение, которое тогда почувствовала. Разница была в том, что она действительно не хотела подвергать брата опасности. Но, похоже, сам он слышал только: «Тебя не позвали».

— Я не знаю, что с этим делать, — сказала она. — Честно. Мне страшно, когда ты идёшь куда-то один, и я не знаю, сколько тебе рассказать, чтобы ты не испугался ещё больше.

— Я уже испугался. И я не один: я с Тимом.

— Это не то, что меня успокоит.

Он неожиданно улыбнулся, хотя глаза оставались сердитыми.

— Хорошо. Тогда будем ходить втроём. Со мной, Тимом и бабушкой.

— Бабушка от такой идеи может испугаться сильнее меня.

Женя пожал плечами и снова открыл тетрадь. Между нарисованными домами он отметил кружком киоск и остановку. У прачечной появилась пунктирная линия.

— Мы записали, у кого можно спросить про дядю Сашу, — сказал он. — Тамара Ивановна, продавец из киоска и водитель автобуса, который стоит по утрам у рынка. Тим говорит, дедушка покупал у него газету.

— Газету у водителя?

— Он после смены работает в киоске, — пояснил Тимофей. — Иногда.

Инга опустила на ступеньку рядом с ними. Карта была сделана торопливо: восьмой дом получился длиннее девятого, а сквер перекрыл половину улицы. Зато у каждого имени стоял маленький пустой квадратик.

— Это что?

— Чтобы отметить, кого уже спросили, — ответил Женя. — Только не ставь галочку, если спрашивал кто-то другой. Надо сначала узнать, что именно ему сказали.

Инга протянула ему листок Лиды. Он прочитал, не торопясь, и поставил карандашом рядом с именем Тамары не галочку, а маленькую точку.

— Почему точка?

— Мы знаем, что ты с ней говорила. Но я хочу оставить место для её ответа. Если у нас будет только галочка, потом забудем, что она сказала.

Он подвинул тетрадь к Инге. В квадратике оставалось достаточно места для нескольких слов. Инга написала: «Видела между семью и восемью». Потом подписалась: «Инга, со слов Тамары Ивановны».

Тимофей коснулся пальцем имени продавца киоска.

— А к нему можно завтра? С мамой?

Лида посмотрела на часы и сказала, что завтра у неё утренняя смена. Мальчик сразу убрал руку, но она добавила:

— Зато после обеда сможем. И на обратном пути зайдём к дедушке. Проверим, нет ли там колеса от поезда.

Они ушли, держась за руки. Фонарь Тимофей нёс в свободной руке, а Лида время от времени придерживала его, когда он задевал ступеньки. Женя подождал, пока за ними закроется дверь, и спросил:

— Мы правда найдём его?

Инга посмотрела на девятый дом. В одном из окон за занавеской виднелась верхушка комнатного растения. Вчера она не заметила его, а теперь не могла перестать смотреть: кому-то придётся открыть дверь и полить его до того, как листья опустятся.

— Я не могу обещать, что найдём быстро, — сказала она. — Но мы будем узнавать. И я постараюсь говорить тебе, куда иду.

— Даже если это опасно?

— Особенно если это опасно. Чтобы ты знал, где меня искать.

Женя кивнул. Они поднялись домой, и на лестнице Инга ещё раз проверила, что сложенный лист Лиды лежит в кармане отдельно от её собственного журнала. Там были чужие слова, переданные ей для одного конкретного дела. Ей не хотелось потерять ни лист, ни разницу между ними.

Позже, когда гости разошлись, бабушка достала конверт с предупреждением. Она положила его на стол между собой и Ингой, но не открывала.

— Твоя мама тогда приходила домой три вечера подряд, — сказала она. — Она просила меня не подписывать никаких бумаг про дом, если её не будет рядом. Я думала, она боится повышения платы. Тогда это было обычным делом.

— А чего она боялась на самом деле?

— Не сказала. Она старалась не приносить работу домой. Иногда мне кажется, что она хотела меня защитить. Иногда — что просто не доверяла мне разобраться.

Инга провела ногтем по краю конверта.

— Ты говорила, что предупреждение потом заменили.

— Да. Пришла другая бумага, без этого знака. Там написали, что проверка закончена и дому ничего не требуется. Мира очень обрадовалась. Я не видела её такой несколько месяцев.

— Где вторая бумага?

— Должна быть здесь.

Нина перебрала содержимое конверта. Старые квитанции, два снимка, открытка с выцветшим маяком, справка о смерти Ингиного отца. Второго уведомления не было. Бабушка пересчитала всё ещё раз и остановилась на открытке.

— Я точно её сохранила. На обороте там была печать.

— Может, в другой коробке?

— Может.

Они перерыли шкаф до отключения. На нижней полке нашлись Женин первый школьный дневник и пачка выкроек, которыми Нина не пользовалась лет десять. Второе уведомление не нашлось.

Инга не сказала бабушке, что кто-то мог его забрать. Для этого пришлось бы сначала спросить, кто имел доступ к шкафу, а сегодня они обе слишком устали, чтобы отвечать друг другу честно.

Когда свет погас, Женя принёс фонарь и поставил посреди кухни. Бабушка накрыла его полупрозрачной салфеткой, чтобы свет не бил в глаза. От этого комната стала мягче, а лист предупреждения — почти чистым. Только знак в углу оставался отчётливым.

Глава 8 Копия для заявителя

На следующий день Ингу вызвали раньше начала смены. Белов ждал в мастерской, не снимая пальто. На верстаке лежал лист с результатами осмотра восьмого дома, составленный по вчерашнему бланку. В нём не было ни кода, ни её замечаний.

— Мне прислали на утверждение, — сказал мастер. — Прочти.

Инга прочла дважды. В графе «Замечания сотрудника участка» стояло: «Не поступали». Под ней было напечатано её имя и оставлено место для подписи.

— У меня есть копия, — сказала она.

— Покажи.

Белов сравнил строки, потом снял очки. На дужке держался кусочек изоленты; Инга знала эту деталь лучше, чем его почерк.

— Я не буду утверждать, пока они не внесут замечание, — сказал он. — Но сначала хочу узнать, не приложили ли отдельный лист.

— Спросите.

Он позвонил в отдел. Ему ответили, что замечание передано на расшифровку, а основной акт можно подписать отдельно. Белов спросил, почему в акте написано, что замечаний не поступало. Собеседник объяснил, что формулировка означает отсутствие замечаний к показаниям, а код показанием не является.

— Тогда пришлите это разъяснение письменно, — сказал Белов.

Он слушал ещё некоторое время и положил трубку.

— Им нужно до обеда закрыть отчёт. Обещали прислать уточнённый бланк.

— Вы верите?

— Я верю, что отчёт им нужен до обеда. Остальное проверим.

Инга была готова спорить, но увидела у двери Игоря. Он стоял, сняв шапку, и ждал, пока они заметят его. В руках у него была та самая папка.

— Мне сказали передать вам копию направления по восьмому, — произнёс он.

В направлении не было списка адресов, только номер заявки и распоряжение проверить общедомовую линию. Белов расписался за получение и убрал лист на стол.

— Вы вчера видели, что в журнале написано про символ, — сказала Инга Игорю. — Почему его нет в акте?

— Я отправил свой экземпляр. Что с ним сделали потом, не знаю.

— Можете подтвердить это письменно?

Игорь посмотрел на Белова.

— Могу подтвердить, что видел символ. Я уже подписал журнал.

— Но журнал останется у меня. Им нужна ваша копия.

— Моя копия у начальника смены.

— Тогда попросите её обратно.

Он помолчал, потом положил шапку на верстак.

— Вы думаете, мне нечего делать, кроме как бегать за бумагами? У меня сегодня два объекта и ребёнок болеет. Я не знаю, что у вас там происходит. Я приехал, проверил, подписал. Больше я ничего не могу.

Инга почувствовала, как привычное раздражение подступает к горлу. Ей хотелось ответить, что у Марины тоже ребёнок и муж пропал. Но Игорь стоял перед ней не как начальник, который принял решение, а как человек, которому уже дали слишком много дел и ещё одно потребовало чужой бедой заплатить за собственный страх.

— Вы можете дать номер своего экземпляра? — спросила она. — Мы сами запросим.

— Он на направлении. Последние четыре цифры.

Он показал. Белов записал и предложил Игорю чай. Тот отказался, но перед уходом всё же сказал:

— Серов вчера после смены приходил за списком обследований. Ему не дали. Сегодня его перевели на другой маршрут.

— Куда? — спросила Инга.

— В северные мастерские. На неделю.

Игорь ушёл. Белов подождал, пока захлопнется наружная дверь.

— Плохое время для перевода, — сказал он.

— Вы думаете, это из-за Марины?

— Я думаю, нам пока нечем подтвердить ни одно, ни другое.

Утром у Инги был обход школы, тот самый, который она пропустила вчера. В котельной пахло пылью и железом. Завхоз показывал ей журнал температур и жаловался на младшие классы: дети прятали варежки на батареях, а потом учителя искали их по всей школе. Работа занимала руки и давала возможность не думать о том, что Белов останется один с отчётом. Но стоило остановиться, и Инга снова видела пустую графу с собственным именем.

У входа в школу её встретил Женя. В руке у него был сложенный листок.

— Я должен быть на уроке, — признался он. — Но тебя искала женщина.

— Какая женщина?

— Вера. Она сказала, что не может подходить к дому. Просила передать.

Инга развернула листок. На нём был адрес старого ремонтного склада у канала и время: «сегодня, после шести». Ниже — несколько цифр и буква М.

— Она что-нибудь ещё сказала?

— Что письмо не надо показывать никому в жилете. Я спросил, тебе тоже нельзя? Она сказала, тебе можно.

— И ты ушёл с урока ради этого?

— Я попросился в медпункт. Потом увидел тебя в окно.

Инга хотела напомнить ему о школе, но заметила, что он тяжело дышит: от ворот сюда нужно было бежать через весь двор.

— В следующий раз передай через учителя или позвони.

— Она сказала не звонить.

— Я не про письмо. Я про то, чтобы сказать мне, что оно у тебя.

Женя обдумал это и кивнул. Она проводила его до двери и дождалась, пока он скроется внутри. Записку положила отдельно от служебных бумаг. Потом позвонила Белову и сообщила, что проверка школы завершена.

— Уточнённый бланк пришёл? — спросила она.

— Пришёл. Упоминание символа вернули, но твоё замечание о графике снова пропало. Я попросил полный вариант.

— Они злятся?

— Наверное. А у тебя всё в порядке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.